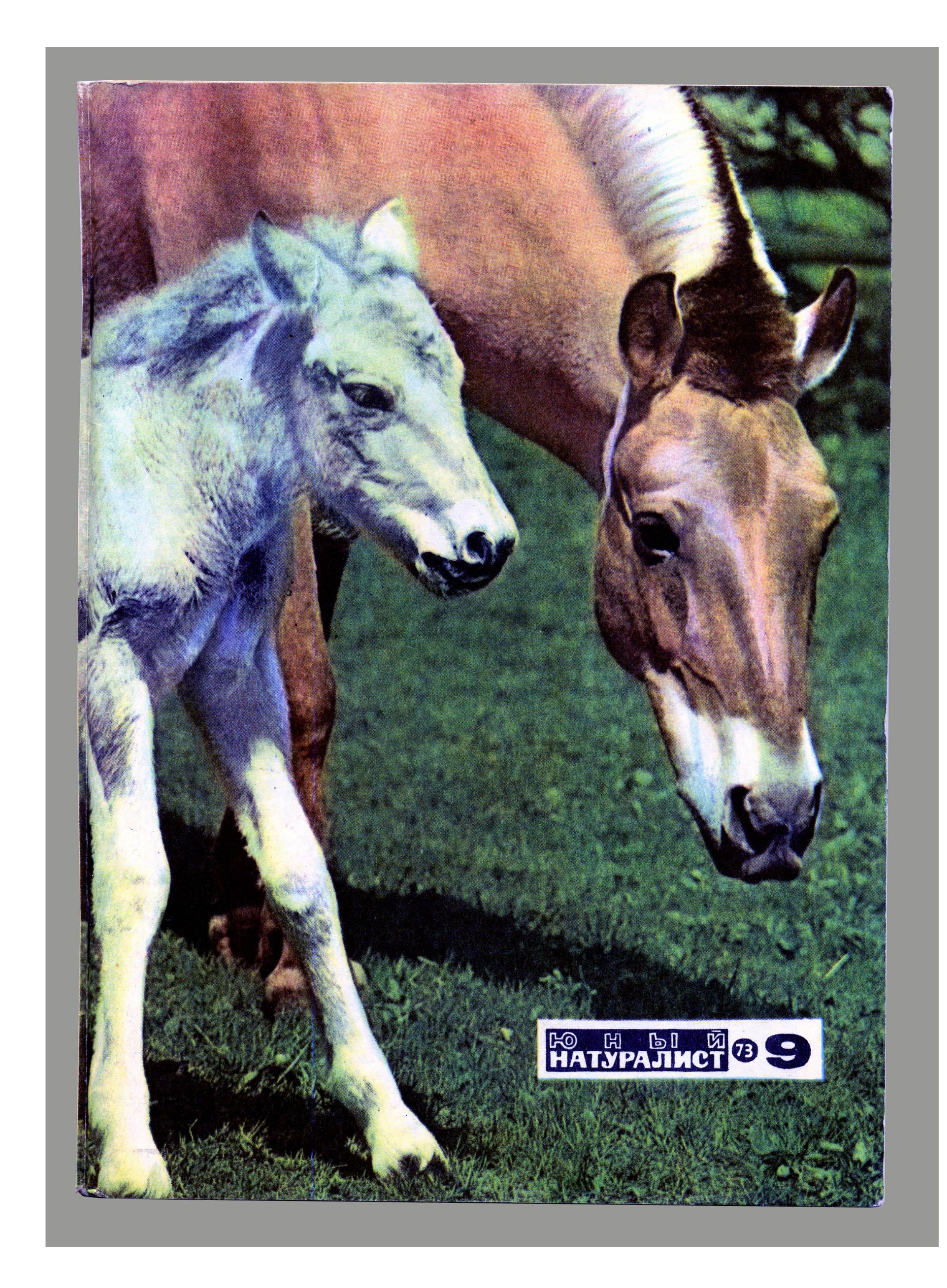

ЮНЫЙ
НАТУРАЛИСТ
73
9

Рис. В. Прокофьева

МИРНОЕ НЕБО РОДИНЫ

Серебряные паутинки щекочут лицо, нежно ластится к ногам опадающий лист, сквозная просинь вырубок манит в колдовскую даль желтеющего царства. Осенний лес нагоняет легкую грусть, ведет память в детство, ушедшее невесть куда. В бездонной выси плывут прозрачные облака, плачущие журавли норовят угнаться за вечными странниками, у которых ни родины, ни обратной дороги. Облака, как и детство, уплывают навсегда и никогда не возвращаются назад. Журавли прилетят опять, детство вернется только воспоминаниями.

Из подернутого дымкой забвения оно проходит просветленным, его встречаешь с какой-то затаенной тоской, с острым осознанием необратимости времени, с настроением тихим и благородным. Детство давно прошумело и ушло, заронив в душу бесценное богатство, сызмальства наделив добротой и чуткой обостренностью ко всему, что происходит вокруг, сделав взгляд широким, а сердце отзывчивым. Детство научило любить землю и родную страну, навеки породнив с единственной и любимой Родиной. И чем больше годы серебрят голову, тем сильнее и нежнее эта любовь к неповторимой советской земле, где суждено нам родиться и жить. И помнится Родина разной: празднично-ликующей в радости, и сурово-величавой в гневе, но одинаково щедрой и ласковой к своим сыновьям и дочерям, грудью закрывающей беззащитное детство от темных сил, от жестокостей войны, от холода и голода, от неустроенности жизни.

Моим сверстникам выпал нелегкий жребий — в наше детство вторглась война. Не

успели мы доиграть ребячьи игры, донежиться в домах отцов, досмотреть детские сны. Война ворвалась грохотом орудий и зловещим воем сирен, пахнула смертью и голодом, отняла близких, улыбки, радости... А взамен рано овзрослила, накинула на хилые плечи недетские одежды и заботы.

Время размыло многое, но с отдельными картинами не совладало, и они наплывают сейчас из далекого далека явственными и волнующими до боли.

...Деревянная школа, вспыхнувшая факелом. Пулеметы, словно отлаженные швейные машины Зингера, ведут смертельную стежку по дрaночным и соломенным крышам. Наш строгий и неловкий учитель, в ярости палящий по юрким «мессершмиттам» из трехлинейки. Старенький глобус, лопнувший от немыслимой жары, запах сгоревших парт, простоволосая школьная сторожиха, причитающая на пепелище.

Наш старый, близорукий, до неуклюжести костлявый Кузьмич, которого мы нисколечко не боялись, отдавший силу и удаль гражданской войне, шагнувший в преклонные шестьдесят. Каждую неделю ездил он в райцентр и упрямо просился на фронт. Возвращался понурый, весь сникший, и мы затихали, поражаясь его усердием. Военком был непреклонен. И Кузьмич тихим голосом вновь рассказывал нам о далекой, в лихолетье войны нереальной Полинезии, про причуды Саргассова моря, о загадках легендарной Атлантиды. Мы жалели Кузьмича, но соглашались и с военкомом — мы тогда еще не знали, что, кроме физической, есть великая нравственная сила, которую не измерить ни возрастом, ни внешним атлетизмом.

В какой день, уже забылось, но только пришел учитель в класс изменившимся: помолодел лицом, надел праздничный костюм, прогнал сутулость. На лацкане пиджака алел орден боевого Красного Знамени. Оглядел нас, вихрастых, неухоженных:

— Об остальном расскажу после победы. Не доведется — другие расскажут. Да и сами вырастите скоро. Вглядитесь в жизнь и поймете, почему я должен уйти. География хороша при мирном небе.

Он ушел в солдаты невидимого фронта. Отгремела война, вернулись живые, пришли все похоронные на мертвых — только от Кузьмича не было вестей. Ушел, как сгинул. И уже взрослыми мы узнали, что наш близорукий учитель был разведчиком и в самый канун победы замучили его в застенках гестапо.

До чего же капризна и прихотлива человеческая память! Почему в своих тайниках она высветила давно пережитое, отчего вдруг в осеннем лесу увиделось минувшее и невозвратное! Или сентябрь, призвавший новобранцев в школы, повел и мою память в опаленное детство, усадил взрослого человека за парту, заставил вспомнить и мои школьные годы. А может, мирный, покойный горизонт тому причиной... Тогда наше небо вспарывали чужие самолеты, рвали его с ситцевым треском, тогда с неба падала смерть.

Мирное небо Отчизны! Оно сегодня до боли в глазах прозрачное, тихое. Невидимый самолет ведет по его голубизне серебряную инверсионную стежку. Машина давно умчалась за горизонт, запоздало прокатился по небосводу звук, а стежка медленно разбухает, и ее рваные хлопья лениво уплывают за горизонт.

Я думаю о прожитом, об увиденном. Со светлой грустью смотрю на первоклассников, растерянных, счастливых. Большие фуражки на мальчишеских вихрах, большие букеты в руках. Шагают милые первоклашки. В первый раз в первый класс. Они скоро вырастут и будут знать, какую цену платили старшие за мирное небо, за их спокойные сны, за безмятежное детство.

В день своего рождения государство рабочих и крестьян заявило о мире. О нем мечтали солдаты в окопах империалистической бойни, к нему были устремлены помыслы всех людей труда, слово «мир» было начертано на знаменах большевистской партии. Но о другом думали империалисты. Они решили силой подавить социалистическую страну, их наймиты развязали братоубийственную гражданскую войну, чужеземные войска вторглись на территорию нашей Родины, чтобы задушить молодую республику, отнять у нас завоевания революции, восстановить власть помещиков и капиталистов. Только что родившаяся Красная Армия, разутая, раздетая, покрыла себя неувядаемой славой — интервенты были выброшены, посрамлены, им так и не удалось повернуть колесо истории.

Мы строили и стояли на страже своих завоеваний. Крепили экономику, крепили оборону. Не было таких международных конференций, где бы ни звучал голос советских дипломатов, призывающих к миру и сотрудничеству. Но реакция готовилась к новым боям. Империализм не отказывался от своих планов — уничтожить социализм, задушить Советскую страну. С его молчаливого согласия был вскормлен фашизм — самый разбойный и самый жестокий отряд международной реакции.

Волнующие, героические сороковые годы! Двадцать второе июня сорок первого. Вероломный удар по мирной стране. Бронированное чудище войны на наших землях. Очереди добровольцев у военкоматов, вчерашние школьники в солдатских шинелях. И всенародный призыв «Вставай, страна огромная!». Почти четыре года невиданной, кровопролитной войны. Смертельная схватка с коричневой чумой. За жизнь, за счастье, за будущее! Вскормившие фашизм и сами оказались в опасности — гитлеровские псы готовы были покусать и своих покровителей. Через героизм и подвиги, через бессмертную славу пришел советский народ к маю сорок пятого. И когда гремели победные салюты, когда планета праздновала величайший день в своей истории, многие думали, что смолкли залпы последней войны, что пришел на землю долгожданный и прочный мир.

Иные планы вынашивали империалистические маньяки. Их цель была все та же — уничтожить Советский Союз, разрушить социалистическое содружество, вернуть потерянное. Годы «холодной войны» омрачили отношения союзников, черные тучи на международном горизонте каждую минуту были готовы разразиться громом, ввергнуть человечество в новую, еще более опустошительную войну. Реакционные силы провоцировали напряженность, подталкивали свои правительства к войне горячей, плели заговоры, осложняли международную обстановку. Пробовали прочность границ социалистического лагеря, прощупывали крепость наших убеждений, затевали «малые войны».

Да, нелегкими были минувшие десятилетия. Сотни миллиардов долларов бросили империалисты в ненасытную гонку вооружений, сколотили не один агрессивный союз, окружили нашу страну кольцом военных баз, поставили под ружье новых реваншистов. Их стратеги, казалось бы, учли все, изобрели разные доктрины. Но, как всегда, ошиблись в одном — неприступным оказался социалистический бастион, нерушима дружба народов социалистической семьи. Ленинская политика мира, призыв к разуму и сотрудничеству уверенно прокладывали дорогу к сердцам людей труда. И самые дальновидные политики Запада начали понимать необходимость перемен в отношениях с великой страной Ленина, с государствами социалистического содружества.

Как самые сокровенные свои чаяния, как голос разума и реализма восприняла вся планета великую Программу мира, которую провозгласил XXIV съезд КПСС. Высший партийный форум указал человечеству, измученному годами «холодной войны», разумный путь к миру и сотрудничеству, к дружбе и взаимопониманию.

Историки еще напишут не одну волнующую страницу о мирном наступлении советской дипломатии. А сегодня мы говорим слова сердечной признательности родной партии, Советскому правительству, Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу за неустанную, мужественную и целеустремленную борьбу за мир. Как самого почетного посланца великой страны встречали на Западе Леонида Ильича Брежнева. Стяг с серпом и молотом, пронесенный по столицам капиталистических государств, был гордым символом миролюбия Советской страны, он красноречиво говорил о нашей мечте — жить в дружбе и мире со всеми народами. О том, что мы хотим мирного неба, что мы против войны. О нашей уверенности в завтрашнем дне. О настоящей заботе о судьбе грядущих поколений.

Идут первоклассники в школы. Они еще мало знают о жизни. Они родились и выросли под мирным небом любимой Родины. Первоклассники будут расти и познавать мир. Мир без войны и тревожного неба. Мир, за который отдано столько много. Мир, за который целеустремленно и настойчиво борются родная партия и Советское правительство.

Александр Виноградов

Научно-популярный журнал
ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

ПРИКАЗ № 1

по отрядам эстафеты «Зеленый наряд Отчизны»

Пионерия страны готовится достойно встретить 50-летие присвоения комсомолу и пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина. Молодые посадки, зеленые улицы, нарядные пришкольные участки — лучший трудовой подарок этой славной дате. Сегодня принимает старт наша эстафета. Задания ее словно этапы добрых пионерских дел.

ПЕРВЫЙ ЭТАП — «Школа-сад». Сделать красивее и уютнее свой второй дом — таково задание отрядам. Вычерченный план пришкольного участка, донесения о количестве посаженных деревьев, кустарников, цветов необходимо включить в отчеты о выполнении этого этапа. Много уже у нас образцовых юннатских участков. Отряды таких школ должны взять шефство над школами-новостройками.

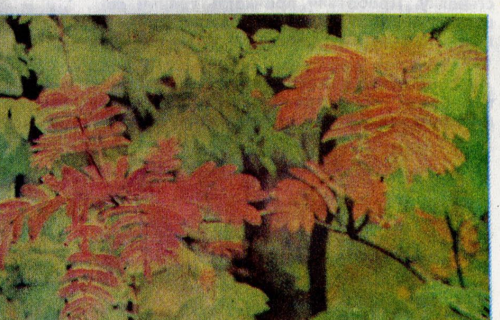
ВТОРОЙ ЭТАП — «Тенистые улицы». Каждому отряду озеленить три близлежащих улицы, украсить цветами три двора неподалеку от школы.

ТРЕТИЙ ЭТАП — «Крылатое семечко». Эстафета цветов — привычное дело юннатов страны. Продолжить, расширить ее — задача отрядов. В координационный центр при «Юном натуралисте» высылайте заявки на семена цветов, сообщения о том, какие семена хотелось бы и вам передать другим отрядам.

Последний срок отправления донесений — 25 ноября 1973 года.

Желаем успехов, юные друзья!

ШТАБ ЭСТАФЕТЫ
«ЗЕЛЕНЫЙ НАРЯД ОТЧИЗНЫ»

Здесь Волга будто замедляет бег, чтобы показать всем крутой откос набережной, причудливые луковицы старинных церквей, светлые здания гигантских заводов. Ярославль. Древний русский город. Древний и молодой, как вся наша земля. Все цвета смешались на его площадях и улицах. Серый — цвет асфальта и желтый — рассветного солнца в окнах зданий. Серебряный — цвет гигантских газгольдеров химкомбината и красный — старых кирпичных домов. И все же преобладает один — зеленый. Цвет скверов и парков, липовых аллей, цветущих садов. И так повсюду на Ярославщине — древней, но вечно молодой русской земле.

Расскажут непременно здесь одну удивительную историю. Про березовые острова — колки, что нет-нет да попадутся среди полей и лугов. В грибное лето такой небольшой березнячок обязательно одарит аккуратными подберезовиками и крепкими боровиками. Корзину не корзину, но лукошко набрать всегда можно. Откуда эти колки взялись на Ярославщине, будто кто-то нарочно насадил их в приглянувшихся местах.

Говорят, так оно и было. Жил интересный человек — луговод по специальности. Растил клевер, но к семенам его подсыпал иногда семена березы. Никто не знал об этом. А деревья подрастали, крепли, вот и поднялись со временем среди раздольных полей островки леса.

Может, это легенда, но живет она, хотя и позабылось имя того человека. Зато каждый в округе с уважением и почтительностью расскажет о юннатах Пограихской восьмилетней школы. Это они вырастили цветущий сад. Большой, урожайный.

За узкой неприметной речкой Шиголостью, на крутом бугре раскинулся зеленый остров. Собственно, почему зеленый? В разные времена года расцвечивается он яркими красками. Бело-розовый по весне, когда цветут яблони и вишни, желто-оранжевый в конце лета, в пору созревания плодов.

Трудно сегодня представить, что сравнительно недавно вились на этом месте тучи комаров, обожающих болотную топь, играл ветер клоками бумаги на свалке пустыря, да после дождей солнце сверкало в зеленой воде колдобин заброшенной дороги. Неприглядная была картина.

Правда, ни Оля Котова, ни Слава Гречин,

ни Наташа Коржавина такого не припомнят. Они восьмиклассники, и сад для них существовал всегда. Вместе с ними подрастали деревья, да и те яблони, которые посадили они сами в четвертом классе, начали уже плодоносить.

Такая в школе традиция. Уходят выпускники, передают сад четвероклассникам. Теперь те становятся хозяевами яблонь и вишен, смородины и крыжовника. Так приняли эстафету Женя Мунилов и Нина Спиридонова, так примут вскоре ее Лена Голосова и Саша Кирпичев. Не в диковинку будет им хлопотливое занятие садовода. Ведь и у самых маленьких есть в школе свой участок. С первого класса привыкают ребята ухаживать за молодыми посадками, бросают в землю первые в своей жизни семена. Иногда помогают и старшеклассникам, если случается беда.

Прошлой зимой, например. Бесснежной, трескучей от морозов выдалась она. Земля в приствольных кругах деревьев промерзла. Надо было спасать сад. Вот и прозвучал в школе сигнал тревоги. Под горой, где речка течет, снегу хватало. Носили его в ящиках, возили на санках. Уберегли сад от морозов, оттого, наверное, таким щедрым оказался он в эту осень.

Есть возле школы и парк, где шумят на ветру красавицы березы, цветет сирень, зреет черноплодная рябина, а в густой траве прячутся грибы. Птицы давно обжили его, видно потому, что не беспокоят их — не разоряют гнезд, не пугают озорным свистом, не досаждают пустой назойливостью. Наоборот, каждое гнездо на учете у ребят, и как бывает радостно им, если установят, что прибавилось птичьих голосов в парке, — еще один домик обжили скворцы, новое гнездо свили на березе дроздырябинники.

Так и живут, украшая родной край садами и парками, ребята ярославского села Пограихи.

Лучше всего, наверное, приезжать сюда в конце весны. Вот уж когда улицы и проезды микрорайона предстанут во всей красе. И ты сам почувствуешь себя необычно счастливым. Разве не счастье идти по опавшим бело-розовым лепесткам, вдоль узкого тротуара, мимо домов, в которых не видно окон. Все заслонили легкие облака цветущих яблонь и вишен, нежный разлив сирени и зеленые купы берез.

Кто эти добрые кудесники, что бросили к твоим ногам веселый ковер лепестков? Невольно задаешь себе этот вопрос, хотя и наслышан уже о многом, и спешишь туда, где шумят сосны.

Верховой ветер играет в их зеленых шапках, и радостный шум врывается в открытые окна школы. Он привычен для здешних ребят, неугомонный шелест хвойного бора. Как-никак ежедневно спешат они через него. Прямо к крыльцу тянутся меж сосен желтые песчаные тропки. Здесь они обрываются. А дальше, за школьное здание, к молодому парку и юннатскому участку ведет асфальт.

Тут что ни дерево, то новосел. И красавицы березы, и стройные лиственницы, и кудрявые по молодости дубки.

Когда на левом берегу Волги возводили жилой микрорайон, кроме хвойного бора не было в округе приметной зелени. Здесь, среди сосен, и построили школу. Будто заранее знали архитекторы, какие умелые ребята станут в ней учиться, словно верили — отсюда, из школы, обязательно разольются по всему микрорайону и светлые ручьи цветов, и зеленая река посадок. Так и вышло на деле.

Нелегко пришлось юннатам ярославской средней школы № 47 благоустраивать свой второй дом. Известно, песок есть песок. Редко какое дерево, кроме сосны, обуздает его. К тому же сосен вокруг хватало. Но как хотелось, чтобы были на участке липовая и березовая аллеи, чтобы зацвел настоящий яблоневый сад.

Песок есть песок. Сколько земли переносили, сколько торфяной смеси, пока не сдался он и на месте пустыря с неказистыми сараюшками встал зеленый оазис. Первый, рукотворный, в микрорайоне. Словно раздвинулся хвойный бор, заиграл новыми радостными красками.

Постепенно создавалась и крепла в школе традиция — что растет на участке, должно непременно расти на улицах и вокруг домов. Так было с березами, сиренью, с той же лиственницей. Так было и с яблонями, которые расстилают ныне к ногам прохожих ковры опадающих лепестков. А о цветах и говорить не приходится. Юннаты выращивают их тысячами и, самое главное, каждую весну непременно раздают семена и рассаду всем без исключения школьникам. Посади под окнами дома, сделай во дворе клумбу, разбей цветник! В этом году, например, летний наряд улиц пополнили 30 тысяч юннатских цветов.

Флоксы, гвоздики, петуньи, нарциссы! Их яркое пламя, будто пионерский добрый костер, горит в микрорайоне.

Есть еще одна традиция у здешних ребят: ежегодно расширять зону пионерских действий, уверенно продвигаться вперед.

Ярославская ГРЭС неподалеку от школы. Высоко вознесла она в небо свои серебристые трубы. Не обойтись здесь без зеленого кольца посадок. И юннаты помогают взрослым создавать такое кольцо. Из их питомника переселилось туда уже пятьсот молодых дубков. На очереди березы, сирень и лиственницы.

В старом омшанике, крепко вросшем в землю, временной юннатской комнате, Ира Борисова любит оставаться одна, когда никто не мешает отсчитывать семена и укладывать их в конверты. А адреса? Они в папке скоросшивателя. Раскроешь ее — и заговорят письма. Так и хочется представить ребят. Как писали они письма, вкладывали в конверты свои семена. И вот пришло крылатое семечко сюда, в Шебунино. Легло в землю, дало росток.

«Высылаем вам семена наших дальневосточных культур. Если всхожесть будет плохая, сообщите — осенью вышлем новые. Будем рады, если у вас на Ярославщине вырастут наши дальневосточные деревья».

Короткие строки. Но выйдешь на коллекционный участок — вот он, зеленый подарок юннатов Хабаровска. Всходы лимонника, горной сосны, черной смородины зеленеют на грядках. А где-то на Дальнем Востоке растут их, шебунинские, цветы: красная лебеда, мальва и, конечно, флоксы. Таков уж закон у юннатов — щедро делиться семенами и саженцами с другими ребятами страны.

Прежде всего, конечно, помогают здешние школьники соседям по области. Дом отдыха «Красный холм», например. Сколько цветов, саженцев отправили они туда! Тысячи! Иначе не скажешь. Помогли и парк восстановить. Посадили маленькие ели и сосенки. Поделились венгерской сиренью, жасмином, жимолостью. А липы, дубки, клены? Они тоже пришли в «Красный холм» отсюда, из Шебунина.

Часто приезжают в здешнюю среднюю школу гости из других сел и городов области. Что ж, дверь всегда гостеприимно открыта. А показать ребята могут многое. Недаром ведь экскурсия по пришкольному участку длится почти час — так он обширен. Экскурсоводы сами ребята. Люди подготовленные, любознательные. Всю родословную каждого деревца и цветка расскажут.

И как радостно слышать похвальные отзывы о своем чудо-участке, как приятно получать благодарственные письма из других школ!

Есть в скоросшивателе небольшая пачка конвертов, перевязанная алой лентой. Здесь их семнадцать, столько, сколько районов в области. Задумали шебунинские юннаты к 50-летию пионерии отправить в каждый район посылку с семенами пятидесяти видов цветов. И полетели по почте настурции, флоксы, гвоздики, ирисы! Свое обещание ребята выполнили. Краше стала теперь древняя ярославская земля.

Быстро проходит лето. Вот уж снова прозвучал заливистый школьный звонок. Новые семена собрали юннаты Шебунина. И теперь мечтают они провести еще одну операцию. Посвящают ее ребята небольшого ярославского села 50-летию присвоения имени Владимира Ильича Ленина комсомолу и пионерии.

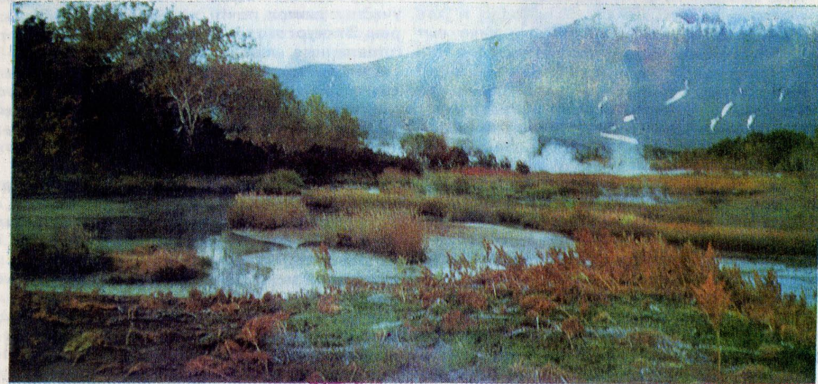
Пятьдесят посылок приготовило Ирино звено. В каждой семена пятидесяти видов растений с коллекционного участка. Они ждут отправления во все концы нашей страны. По каким адресам, спросите? Это зависит от участников нашей эстафеты. Кто первым пришлет заявки на семена, к тому отправится в путь крылатое семечко.

Запомните адрес: Ярославская область, Ярославский район, село Шебунино, средняя школа, кружок юннатов.

ГРАЦИОЗНЫЕ ПИХТЫ КРОНОЦКОГО

В излучине огромного Кроноцкого залива рассыпал улицы и переулки старинный рыбацкий поселок Жупаново.

Рано утром, когда море еще спит и первые солнечные блики медленно растворяют холодное розовое марево, стряхивая вороха облаков, встает вдали громада Кроноцкого вулкана. И кажется, будто искрящийся конус парит над окружающими горами. В бинокль он хорошо виден. А ведь до него добрых восемьдесят километров. И вся эта даль, расшитая серебряной вязью рек, больших и малых озер, исполосованная хребтами и корявыми распадками, залитая бескрайними лесами и тундрами, все это зовется Кроноками — Кроноцким государственным заповедником. И еще далеко за вулкан до теплой речки Чажмы пролегли его просторы.

Чажма, как и 800 других речек заповедника, дробясь на порогах, спешит к океану. По берегам ее столбики пара — знаменитые целебные ключи. Таких в Кроноках множество. В одних лечатся люди, другие исцеляют зверей и птиц.

Километрах в двадцати от Жупанова выбивается «живая вода» известных на Камчатке Нижне-семячинских ключей. Под сенью берез и саженых трав сбегают они к морю горячим ручьем. Крутой кипяток — дело вулканов, которых на Камчатке много. Действуют 28. Треть из них поселилась в Кроноках, породив удивительное явление природы — гейзеры. Долина гейзеров — красивейшее место в мире. Мне посчастливилось побывать там несколько раз, восхищаться десятками кипящих источников с грифонами иногда в метр и больше, цвет-

ными горячими озерами и грязевыми котлами, видеть, как рождаются гейзеры.

В долине много необычного. Жизнь теплится даже в грифонах с кипящей водой, где прекрасно чувствуют себя небольшие сине-зеленые водоросли и особые бактерии. Вот уж поистине: «Всюду жизнь!»

Запрещение разводить костры здесь никого не пугает. Проголодавшись, мы как-то опустили котелки прямо в кипяток. Вскоре был готов обед. Каша не пригорела, а посуду потом спокойно спрятали в рюкзак, не боясь сажи.

На уступах скал вокруг долины можно увидеть снежных баранов, а в тундрах пасутся северные олени. С гор спускаются дремучие заросли кедрового и ольхового стланика.

Ниже начинается березовая тайга. Но береза называется здесь каменной, только цветом коры напоминая стройную русскую красавицу. Мощные деревья растут вкривь и вкось. Иные будто узлом завязаны. От зимнего ненастья укрылись толстой корой, пригнулись, хоронясь в снегах. Растут свободно, оставляя много места для пышных трав, цветов и кустарников. Древесина берез исключительно прочна и тонет в воде.

Рощи эти — любимое обиталище медведей. И чувствуют они себя там как дома, потому что камчатский бурый и сам под стать корявым могучим деревьям. Однако миролюбив и на человека нападает в самых крайних случаях. Старожилы рассказывали, что бывали случаи, когда медвежье семейство собирало жимолость на лесной поляне рядом с женщинами. И случалось, что медведица подходила к ним. И не стеснялась

ударом лапы выбить ведро с ягодами из рук. Угощала чужим добром своих малышей и, не поблагодарив даже, как ни в чем не бывало удалялась восвояси.

Кроме ягод, любят медведи и рыбу, особенно лососевых: чавычу, кету, горбушу и нерку, которые приходят из далеких морей в реки метать икру. И находят дорогу именно в те самые речки, где родились сами.

Только однажды посчастливилось мне видеть настоящий ход горбуши на нерест. Еще в Жупанове слышал о нем, но то, что увидел, казалось невероятным. В красноватых лучах заходящего солнца на поверхности стремительной реки сплошной рябью колыхались плавники больших рыб. Тысячи их медленно шли против течения, перегибаясь и выставляя из воды серые спины, словно маленькие дельфины. Иногда река оглашалась мощным всплеском — здоровенная рыбина выбрасывалась из воды и тяжело падала. Дух захватывало. А на мелководье, застрявшие между камушками, белели тушки самок и страшноголовых горбатых самцов. Это плавание благородных лососей — последнее. Оставив икру, они гибнут.

В тот же вечер, поужинав, мы кипятили чай. «Маяк» передавал музыку. Где-то далеко начинался день, просыпалась Москва. Вдруг, тяжело дыша, в лагерь вбежал мой товарищ Володя.

— Друзья! — волнуясь, крикнул он. — Бегом за мной!

— Что случилось?

— Если успеем, увидите сами. А пока — тишина и маскировка.

Догадались, что горячка неспроста, будет что-то интересное. Володя исчез в кустах, мы бросились вслед. Низко пригибаясь в траве, быстро двигались берегом реки.

Минут через десять проводник наш обернулся и, приложив палец к губам, опустился на живот.

«Вот браконьер», — прошептал он и принялся осторожно раздвигать кусты.

Мы замерли. Мягко шелестела река. Но вот слух уловил недовольное ворчанье, редкие хлопки по воде, всплески. Кто-то неторопливо возился в реке. Придвинувшись к обрыву, на том берегу разглядел я «нарушителя», огромного, грязно-бурого. Перехватило дыхание — до него метров двадцать. А вдруг заметит нас? Перемахнуть речку ему ничего не стоило. Однако упустить такое зрелище не хватало сил. Да и видно было, что он увлечен только своим делом. Устроившись в воде, у берега, часто наклонял маленькую, широкую голову, почти касаясь воды короткой мордой — высматривал добычу. И вдруг ловко ударял лапой по воде, выхватывая рыбину, швырял на берег. Когда добыча срывалась, медведь сердился, сплеча рубил воду.

— Смотри-ка, — толкал меня Володя, — рыболов-то бестолковый. Ничего кругом не видит, а рыба с берега прыг-прыг — и снова в речку.

Затаившись, мы наблюдали минут пять. Решив наконец, что улов богатый, зверь выбрался на берег, отряхнулся. Стал обходить песок, но, не найдя почти ничего, удивленный и раздосадованный, остановился над несколькими рыбинами. Потом в злобе начал расшвыривать их вместе с песком. В несколько прыжков достиг берега и принялся беспорядочно, изо всех сил бить лапами по воде, обдавая себя каскадами брызг.

Медведь остановился, постоял долю секунды по брюхо в воде, как бы раздумывая и оценивая обстановку, и удивительно быстро перекинул свое огромное тело в обратном направлении.

Когда мы немного пришли в себя и снова подошли к обрыву, на песке остались только глубокие следы, ведущие в ольховник. Нам удалось отыскать две рыбины, оказавшиеся горбушами.

Лов лососей на Камчатке строго запрещен. Для этого есть пресноводные рыбы, хотя видов их в заповеднике немного. Встречаются голец и корюшка, кумжа и микижа. Последняя — родственница американской радужной форели. Встречается хариус. Но он здесь особенный, берет не только мушку, но блесну, как хищник. Вместе с гольцом наносят они большой вред лососям, уничтожая икру и молодь.

Стаи уток и гусей зимуют на теплой глади озер и рек. А однажды видел я несколько красавцев лебедей, медленно и грациозно скользивших по темной воде в окружении ослепительно-белых, как они сами, снегов. Вначале просто не верилось. Лебеди на Камчатке, да еще зимой!

— Не удивляйтесь, у нас они прописаны постоянно, — рассказывал старый охотник Петр Тимофеевич Юшков. — И не пугает их суровый край... Но иногда птицам бывает тяжело. Сутками ревет пурга. Пар над теплой водой холодеет. Кажется, ничего живого уже нет на озере. Но в просветах мглы, под обрывом, проглядывают желтые точки. Это носы лебедей. Крылья отяжелели, пищи нет. И все-таки они стойко переносят непогоду, в самые лютые зимы кормятся и находят тепло. На Семячинском лимане, близ Жупанова, зимуют до четырехсот птиц, более двадцати пар — на Кроноцком озере, на Узоне, по всему заповеднику.

Заповедник начинается на берегу океана сплошными ягодниками голубики, клюквы и брусники, рябины и шиповника. Но все зреет как бы втихомолку, притаившись в

траве, у самой земли. Подняться выше не позволяют жестокие ветры с моря.

Однако стоит уйти от него на полсотни шагов, и открывается другой мир, царство пышной зелени. Лесные поляны одеты могучими травами, кустами жимолости, малины, пахучей черемухи. Встречают путника оранжевыми огоньками сараны, синью ирисов и другим разноцветьем.

А иногда попадешь будто в джунгли. Травинки вездесущего шеломайника скрывают всадника с лошадью, стоят сплошной стеной. Настоящие травы-деревья, толщиной в руку. Еще выше — медвежий корень. Ствол его не обхватишь ладонями. Лето здесь короткое, и растения выгоняют трехметровые стебли в две недели июня, поднимаясь на длину карандаша в сутки. Цветут в июле, кружа голову медовыми запахами.

Наблюдая это буйство зелени, думаешь, что находишься в чудесном краю, где нет долгих морозов, огромных сугробов, ледяных ветров и ураганов. И хочется спросить, где же в Кроноках сады и виноградники?

Действительно, виноградников здесь нет. Но у южной границы заповедника раскинулся небольшой, в 22 гектара, лоскутик темно-хвойного леса. Это роща теплолюбивой пихты грациозной. Берегут ее седые вулканы, посылая теплую воду к близлежащим озерам, создавая вокруг рощи особый микроклимат. Охраняют ее с давних пор и камчадалы. Изумрудной слезой вкрапившись в море березового криволесья, привлекает она необычной красотой. И сейчас нет человека, пришедшего в заповедник, который не зашел бы полюбоваться пихтой грациозной — национальным богатством нашего народа.

Ограниченный с запада ледниками восточного хребта, протянулся заповедник по берегу океана чуть не на триста километров: от Семячинского лимана до устья Чажмы. И хотя это всего одна пятидесятая часть Камчатского полуострова, зато часть ценнейшая, вобравшая в себя все его элементы. Она будто специально приготовлена в дар человеку.

А. Цытович

Фото И. Вайнштейна

РЕВУЩИЙ БАРХАН

Кто не слышал о «поющих песках» — о том, что в пустынных местах Сахары и Туркестана песчаные дюны порой начинают издавать нежные таинственные звуки. С чем только не сравнивали эти звуки. Одни — с пением золотых арф. Другие — с игрой миллионов маленьких эльфов на своих крохотульках скрипочках. Мопассан же описывает голос песка так: «Подле нас, неизвестно где, бьет барабан, таинственный барабан дюн. Он бьет то отчетливо, то громче, то тише, то замолкая, то опять возобновляя свой фантастический грохот».

Это явление объясняли и так и этак, но все объяснения были не очень-то убедительны.

Заинтересовался этим явлением и ленинградский геолог Борис Семенович Русинов. Он изучал зависимость, которая существует между электрическими состояниями атмосферы и земной коры и геологическим строением местности. Интересовало его и поведение животных.

И вот он в долине реки Или, в нескольких десятках километров от Алма-Аты. Здесь и находится ревущий бархан — «в месте, где живет бакенщик Михайлов!». Так указывают путь старожилы.

Кругом типичная казахстанская полупустыня, полустепь. Песок, песок, песок. Редкие кустики серой от пыли травы. То там, то тут пасутся отары овец и стада коров. У реки подлинный оазис. А вот и хата. Здесь со своим семейством живет бакенщик Михайлов. Недалеко за рекой видны огромные песчаные барханы.

— Тут, что ли, барханы поют?

— Тут... Послушать приехали?

— Послушать и исследовать. Хотим голос барханов записать. Скоро реветь будут?

— Недавно ревели. Теперь долго ждать придется, пока силу наберут.

Оказывается, барханы завывают всего лишь раза два-три в год. И лишь после того, как в течение многих дней дует восточный ветер.

Здесь долина реки сильно сжата скалами, и восточный ветер нагнал между ними два огромных бархана. Пологие склоны их направлены на восток — туда, откуда дует ветер. Он несет огромное количество песчинок, захваченных за сотни километров от Или, и уносится дальше в степь. Множество из них оседает на пологой стороне бархана, на той, откуда пришел ветер. Когда на бархане накопится достаточно песка, он начинает ссыпаться. Тогда-то и раздается рев бархана.

Но неужели вот так сидеть и ждать лавины? Ведь она начнется без предупреждения! И ты не заметишь явлений, которые хочется понять. И Борис Семенович решает рискнуть — вызвать лавину искусственно.

Участники экспедиции закладывают у самого карниза шурф, чтобы посмотреть структуру отложений песка. Раскоп показал: песок лежит слоями. Эта слоистость — проявление эоловой дифференциации, или ветрового провеивания песка. Один ветер захватывает и несет крупные частицы, другой способен поднять лишь самые мелкие. Иной приносит песок из дальних мест, иной из близких. Песок неодинаков.

Рядом с первым шурфом заложили еще один. Они должны были вызвать падение песка.

Лавина оказалась сильной. Она обрушилась на участников, засыпала с головой, выкидывала на поверхность. Лавина ревела так громко, что приходилось кричать, чтобы тебя услышали.

На этот раз никаких измерений сделать не удалось — не было необходимой аппаратуры.

Через год Русинов, заручившись помощью алма-атинских геофизиков, приехал на ревущие барханы еще раз. Теперь он был вооружен новейшими геофизическими приборами и портативным магнитофоном.

Снова забрались на бархан. Чтобы не быть втянутыми в лавину, было решено держаться в стороне от шурфов. Обязанности распределили между всеми.

Шоферу вручили магнитофон. Одной лаборантке пришлось следить за коровами и овцами, которые паслись вдали. Она должна была заметить момент, когда животные узнают о начале лавины. Второй лаборантке предстояло записать электрические потенциалы в земле. На себя Борис Семенович взял замер атмосферного электричества.

И вот лавина ринулась по сигналу Русинова.

Борис Семенович стоял метрах в ста от шурфов. Он следил за показаниями приборов. Прислушиваться к собственным ощущениям у него не было времени. И все же его охватила необъяснимая тревога. Где-то внутри, в районе солнечного сплетения, возникла дикая сосущая боль. Тянуло бросить все и бежать, бежать неизвестно куда.

Видимо, нечто похожее, только во много раз сильнее, испытывала и лаборантка. Она стояла ближе к лавине и одета была легче, чем мужчины, поэтому-то она чувствовала все значительно острее.

Позднее она говорила: «Вначале что-то щекотало внутри. А потом во мне все словно перевернулось».

Недаром арабы считают: «Услыхав пение песка, жди гибели». Никому не пришло бы в голову принимать за счастливое предзнаменование рев бархана. Слишком уж он страшен.

Очень любопытно было и поведение животных. Все они повернули головы в сторону лавины, едва она началась. А ведь они не могли услышать ее рева, так как были очень далеко. Да и звук дошел бы до них значительно позднее.

Приборы показали: потенциал атмосферного электричества в нижних слоях атмосферы во время лавины подскочил с обычной средней величины в 800 вольт на метр до 30 тысяч вольт на метр.

Электрическое поле верхних слоев земной коры выросло в несколько раз — с 18 милливольт до одного вольта на километр.

Теперь можно было приступить к выводам. Чувство тревоги, ужаса и сосущую боль под ложечкой, что испытывали все, кому приходилось слышать рев песка, проще всего объяснить действием инфразвука. Еще в 1929 году американский физик Роберт Вуд обнаружил это странное свойство инфразвуковых колебаний — способность вызывать у людей панический страх. Узнал он это случайно.

Однажды к Вуду обратился лондонский режиссер-постановщик Джильберт Миллер с просьбой осуществить средствами физики один театральный эффект. Миллер ставил пьесу из современной жизни. По ходу действия на сцене должен был вдруг раздаться крик и погаснуть свет. Когда же свет зажигался, зрители обнаруживали, что действие перенеслось на 145 лет назад в средневековый замок с его тайнами и ужасами.

И Вуд придумал. Он установил в театре органную трубу, но только гораздо более толстую по сравнению с обычной. Предполагалось, что сверхтруба даст самый низкий звук, который только способно уловить ухо человека. Звук должен был знаменовать скачок в прошлое.

Когда погас свет и заработала труба, никакого звука никто не услышал, однако все почувствовали необъяснимую тревогу. «Словно вот-вот разразится землетрясение!» — так описывали это чувство очевидцы. Зазвенели стеклянные подвески на канделябрах. Задрожали стекла в окнах. Казалось, театр вот-вот развалится.

Волны ужаса выкатились на улицу, и паника охватила людей, которые находились даже довольно далеко от театра. А ведь они не могли слышать дребезжания подвесок, не видели дрожания оконных стекол.

От сверхтрубы пришлось отказаться, чтобы не отпугнуть зрителей.

Напрашивалось сравнение: рев лавины произвел такое же впечатление на присутствующих, как и сверхтруба Вуда, которая создавала инфразвук. Может, и лавина, помимо обычного звука, посылает инфразвуковые колебания?

Впоследствии врачи говорили Русинову: инфразвук способен вызывать колебания внутренних органов, причем один орган будет колебаться с одной частотой, а другой — с иной. Между ними возникает трение. Это-то и порождает неприятные ощущения в области солнечного сплетения и чувство тревоги.

А может ли движение песка вызвать инфразвук? Каково же происхождение рева бархана?

Во времена Мопассана пение песка объясняли эхом. Ветер, дескать, несет песчинки. Они сталкиваются, ударяются о сухие растения. Там, где нет сухих растений, там, мол, и нет поющих песков. При этом возникает звук. Звук отражается от волнистой поверхности бархана — так создается эхо. Словом, ищи причину в эхе.

Мопассан даже говорит: «Этот барабанный бой не что иное, как своего рода звуковой мираж».

Что ж, шорох, порождаемый трением частиц друг о друга, возможно, и звучит в реве бархана, но он в состоянии лишь накладывать некоторые оттенки на рев бархана. Вот и все! Голос бархана — явление очень сложное. И уж конечно, дело тут не обходится без электрических явлений.

Известно, когда по трубам гонят сжатым воздухом массу угольной пыли, муки или песка, то частицы вещества электризуются трением о воздух, как электризуется стеклянная палочка, если потереть ее шелком. Конечно, то же происходит с частицами песка в лавине.

И это, вероятно, не все.

Если сжимать кристалл, а песок в своем большинстве — это частицы кристаллического кварца! — то в кристалле возникает пьезоэлектричество. Поскольку частицы песка в лавине испытывают значительное давление, возникают различные электрические потенциалы. Эти заряды пополняют атмосферное электричество.

Не исключено, что частицы, сталкиваясь и разряжаясь, порождают миллионы микрогромов. Они-то и составляют рев бархана.

И еще... Склоны бархана неровны и состоят из песчинок разного размера и происхождения. Не мудрено, что частицы движутся с различной скоростью. А значит, они порождают колебания самых разных диапазонов — и инфразвуковых, и звуковых, и ультразвуковых.

Словом, в этом хаосе колебаний какая-то доля выпадает и на инфразвук. Инфразвук и вызвал чувство страха у тех, кто стоял на бархане, и заставил дрожать мелкой дрожью щеки лаборантки. Ну а в том, что волосы у нее стали дыбом, инфразвук не виноват. Причину надо тут искать в статическом электричестве.

Многие начинают знакомство с удивительными свойствами электричества с того, что заряжают им электроскоп — этот простой электрический прибор. Если к одному концу металлической палочки прикрепить станиолевые лепестки, а к другому поднести гребенку или эбонитовую палочку, натертую шелком, то электрический заряд перейдет с гребенки по палочке на лепестки станиоля и заставит их разойтись.

Нечто подобное произошло с волосами лаборантки. Она на время оказалась в роли такого вот электроскопа. Атмосферное электричество, достигнув высокого потенциала, зарядило ее тело. И волосы ее разошлись, как расходятся лепестки электроскопа. Однако для этого надо, чтобы атмосферное электричество достигло значительного напряжения.

Что ж, потенциал его был достаточно велик — 30 тысяч вольт на метр вместо 200—800 вольт на метр. Песчаные грозы способны вызывать всплески атмосферного электричества не хуже привычных нам гроз. Однажды, например, в селении Чу Джамбулской области сами собой зажглись электрические лампочки. Отчего? Оттого, что ветер гнал тучи песка. В другой раз во время песчаной бури в лагере Русинова ветром сорвало антенну. Ожидать конца бури было нельзя, и радист стал укреплять антенну, стоя на земле босыми ногами. И как только он дотронулся до провода, то получил сильный удар током, будто кругом бушевала гроза. А ведь на небе не было ни облачка.

— И овцы и коровы повернули головы в сторону бархана еще до того, как до них долетел звук лавины. Что же они уловили, как по-вашему? — спросил я Бориса Семеновича.

По его мнению, здесь тоже подействовал целый комплекс причин.

Животные могли уловить и инфразвук, который распространяется гораздо дальше слышимого нами звука. Инфразвук вызывает у людей чувство тревоги и ужаса. Почему бы ему не вызывать нечто подобное и у животных?

Животные могли, видимо, ощутить и всплеск электростатического электричества. При песчаных бурях сильно меняется степень ионизации воздуха. Животные могли и это уловить.

Что ж, эксперимент удался. Еще раз подтвердилось предположение многих исследователей: да, видимо, некоторые животные способны предчувствовать землетрясения, приближение гроз, ощущать магнитные бури с их сполохами, полеты метеоров по изменениям электрического состояния среды.

Вот о чем рассказал поющий бархан на реке Или.

К. Иосифов

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

СЕНТЯБРЬ

Вот и подошел неслышно первый месяц поры увядания. Рассыпал золото и багрянец по рощам и дубравам, завесил сквозные дали скучной пеленой туманов, погнал знобкую рябь по сумрачным омутам и плесам. Таков уж он, сентябрь, переменчивый и капризный.

То порадует погожими ясными днями, когда рдеют в лесных хоромах осенние праздничные уборы, а то засвистит, зашумит ветрами, начнет сеять сквозь небесное сито долгие, скучные дожди.

Все чаще и чаще услышишь в закатном небе прощальные всклики птичьих стай. Лес провожает их настороженным шумом сосен, словно не отпуская, манит последним урожаем ягод и грибов, притягивает красочным лиственным узором троп и просек.

Рис. И. Кошкарева

Фото В. Гуменюка и А. Чиркова

Осень принесла прохладу. Отходят жаркие дни с их застойным зноем и изнурительной сушью. Сентябрьская свежесть, спорые дожди предоставили отдых жухлым травам и блекнущим широколиственным кронам. Перестали осыпаться березы и липы, как бы воспрянула зелень.

Но вот разнежилась прощальная теплынь года — так называемое «бабье лето». Опять сухо, солнечно, просторно. И только неуклонная убыль света да занимающееся полыханье листопадных красок напоминают, что на дворе первоосенье — дивная пора увядания, старения природы.

Солнце подолгу сверкает на ясном небосклоне. Зато когда набежит облачко — светило принахмурится, исподлобья глянет на раскрашенные ландшафты. Тут-то, кажется, и вступает осень в свои пестрые терема. Через неделю-полторы, глядишь, позолотились березы, раскалились докрасна дубы и рябины, зарделись клены. Настает карнавал листвы!

Задумались об отлете птицы. Отбывают трясогузки и деревенские ласточки, рыхлыми стаями носятся грачи и скворцы: улетят, как первый снег выпадет. К синичьим ватагам пристал проворный поползень. Бегает по стволу вверх и вниз головой, свищет; за удалой свист и прозван любителями пения «ямщиком». Как есть ямщик-лихач. В борах слышатся глухари и косачи: отпевают лето. Звук с глушинкой, не тот, что был красной весной.

Первенец осени — сентябрь поможет животным подготовиться к длительному периоду холодов. Вот хотя бы рыжие белки. То с цоканьем гриб тащат — висеть ему между сучками, то орех под мох прячут. Но зима спросит о припасах не одних белок. Вон и бобры неспроста занялись лесоповалом. Осиновые чурки сплавлены поближе к хаткам, а хамыз — тонкие ветки — подтоплен возле плотины. Седому бобру ума не занимать: в холода любая заготовка к столу сгодится.

А вот медведь съестных припасов не делает. Когда их расходовать, если во сне зиму коротать? Для поддержки сил и жиром обойдется. Правда, жиреть осенью надо основательно, поэтому медведь сейчас и в овсы наведывается — метелки обсасывает, и ягоды собирает, и свежатинкой не гнушается.

Жиреют к осени и птицы. Ведь перелетным без этого нельзя в дорогу пускаться, а оседлым кладовки пополнить нужно. Хохлатая синица — на что уж беспечна, а и та сейчас где личинку, где сосновое семечко в шели коры положит.

Любят порыться в галечниках лесные куры — глухари и тетерева. Перед суровым сезоном, перед тем как им придется довольствоваться грубым кормом из древесных почек и хвои, эти птицы набивают в желудок мелкие камешки. Ведь известно — у пернатых зубов нет, и камешки помогут перетирать заглоченный корм.

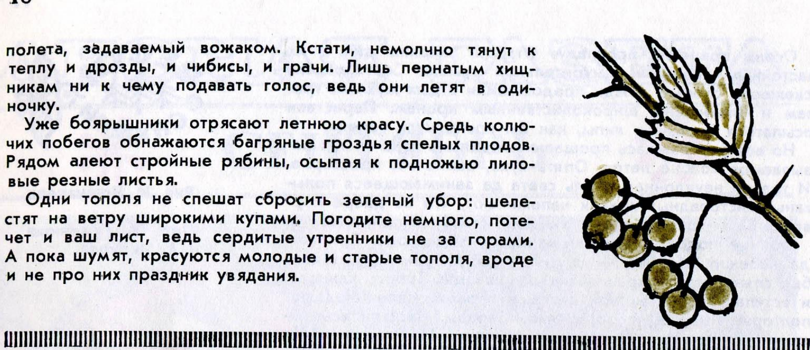
Еще не померкли луговые цветы. Вдоль берега заметны искрасна-лиловые дербенники. Листочки лодочкой, как у ивы, соцветия вытянутые, ровные. Иволистый дербенник в народе слывет «плакун-травой», под этим прозвищем он известен и в сказках. Не сникли ромашки-нивянки, весело выглядывая из высокотравья, по межам нет-нет да попадутся синие васильки. На загляденье людям достаивают золотарники, по-другому — золотые розги.

В мглистом поднебесье протянул клин журавлиной стаи. Тревожно доносятся прощальные клики. Не могут журавушки равнодушно лететь с милой стороны. К тому же перекличка сплачивает стаю, помогает выдерживать ритм

полета, задаваемый вожаком. Кстати, немолчно тянут к теплу и дрозды, и чибисы, и грачи. Лишь пернатым хищникам ни к чему подавать голос, ведь они летят в одиночку.

Уже боярышники отрясают летнюю красу. Средь колючих побегов обнажаются багряные гроздья спелых плодов. Рядом алеют стройные рябины, осыпая к подножью лиловые резные листья.

Одни тополя не спешат сбросить зеленый убор: шелестят на ветру широкими купами. Погодите немного, потечет и ваш лист, ведь сердитые утренники не за горами. А пока шумят, красуются молодые и старые тополя, вроде и не про них праздник увядания.

Когда нашего хомячка не стало, жена, сын и я поехали посмотреть домашних животных на Птичий рынок. Москвичи иногда приезжают туда как в зоопарк.

«А мы приехали с тряпочкой!» — объявила жена, и стало ясно, что кого-то отсюда увезем.

Бело-рыжий комочек с двумя блестящими бусинками понравился сразу. Почти как наш хомячок, но побольше.

Морскую свинку дома посадили на журнальный столик, и, к нашему удивлению, она не побежала. Не издала ни звука. Зато сразу начала есть хлеб.

Зверек оказался очень спокойным, никуда не пытался уползти. Не то что наш хомячок-непоседа!

Мы и назвали нового жильца Тишей. Он действительно тихий, покладистый. Ночью его совсем не слышно. Если же включить свет или заговорить — он сразу оживляется, как будто только и ждал этого момента.

Дремать может почти весь день, но не засыпает ни на секунду. Он не обращает внимания на шум телевизора, громкий разговор, перестановку мебели. Но очень чуток к шорохам, звонкам, стуку или царапанью. Звонок трамвая на улице, телефона в коридоре, шарканье тапочек — все это заставляет его настораживаться и недовольно ворчать.

Любит Тишка валяться в коробке из-под обуви на теплом радиаторе отопления. Только переваливается с боку на бок и ворчит, если его чем-то беспокоят.

Часто бегает Тишка по комнате. Лучше по ковру, конечно: паркет скользкий, и лапы разъезжаются. Если с Тишкой поразговаривать — он начинает гонять по комнате, резко изменяя направление, подпрыгивать и повизгивать оттого, что на него обращают внимание.

Поймать Тишку после таких проделок непросто. Один способ — загнать в угол и выловить. При этом зверек громко пищит и кусается. Но как только берешь его на руки — начинается обычное довольное урчание.

Тишка очень привязан к тому, кто его кормит. По звуку шагов из кухни он легко определяет, что ему несут еду, и нетерпеливо повизгивает. Совершенно не пьет Тишка воду и не переносит даже запаха мяса.

Больше всего обожает молоко. Молоко лакает только вприкуску с хлебом, прижимая его лапкой. Если не подать к молоку хлеб — Тишка будет беспокойно оглядываться, воркотать, покачиваться, тщательно принюхиваться, пока не получит нужный кусочек.

Когда же все есть — трапеза начинается сразу, только уши дрожат и слышится громкое лакание.

Страсть к молоку у Тишки превыше страха. С высокой чашкой из-под молока он расправляется быстро: обнюхивает, а затем передними лапками опрокинет и смело лезет в нее с головой полизать остатки.

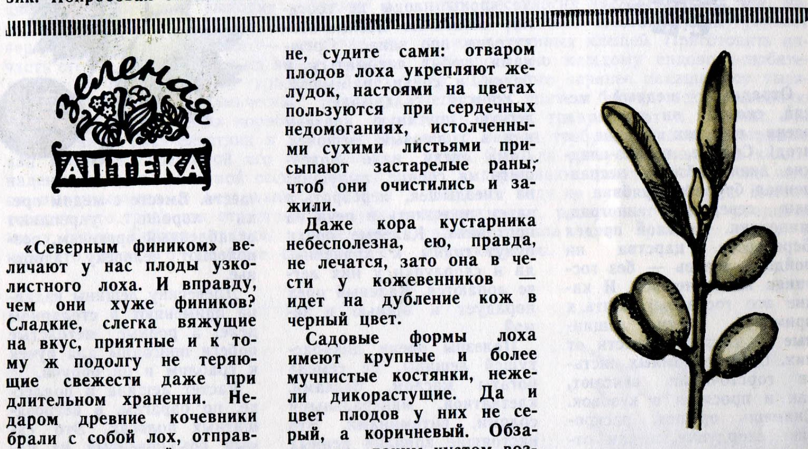
Любит Тишка погрызть обои, комнатные туфли, вязаные вещи... Шерстяную нитку ест спокойно, с удовольствием. Сам сидит неподвижно, только челюсти работают, как у заводной игрушки.

Очень забавно ест он бумагу. Отстрочит зубами по краю бумажки полоску и резким движением головы вверх отрывает ее.

Долго не могли мы подобрать Тишке дом. В картонных ящиках и фанерных коробках он жить не смог: очень вкусные они — прогрызает. В клетку сажать — жалко!

Однажды посадили Тишку в старый тазик. Попробовал он вылезти — тазик противно шумит, и края холодные. Так в тазике он живет и теперь. Из него сам никогда не вылезает. Даже если тазик на полу. Зато после прогулки по комнате Тишка сам запрыгивает в свой дом, не касаясь его шумных краев.

В. Шубин

«Северным фиником» величают у нас плоды узколистного лоха. И вправду, чем они хуже фиников? Сладкие, слегка вяжущие на вкус, приятные и к тому ж подолгу не теряющие свежести даже при длительном хранении. Недаром древние кочевники брали с собой лох, отправляясь через знойную пустыню. Так что и на вьючных верблюдах удалось побывать тогда плодам этого загадочного кустарника.

А что лох загадочен — сомнений нет. И больше всего загадок он задает фармацевтам. Целебны у него, оказывается, и плоды, и цветы, и листья. О том, как широк круг его применения в народной медицине, судите сами: отваром плодов лоха укрепляют желудок, настоями на цветах пользуются при сердечных недомоганиях, истолченными сухими листьями присыпают застарелые раны, чтоб они очистились и зажили.

Даже кора кустарника небесполезна, ею, правда, не лечатся, зато она в чести у кожевенников — идет на дубление кож в черный цвет.

Садовые формы лоха имеют крупные и более мучнистые костянки, нежели дикорастущие. Да и цвет плодов у них не серый, а коричневый. Обзаведитесь таким кустом возле дома, и вы приятно удивите друзей необычными свойствами «северного финика». Впрочем, дикий узколистный лох также оригинален. В тихую погоду он кажется зеленым, вроде ивы. Когда же подует резкий ветер — приземистый кустарник станет седым, ведь изнанка его листьев светлая. Ветер как бы перемешивает, переворачивает листья, оттого и переливы красок получаются.

Растет лох на берегах степных речек, по днищам балок, в лесу. Особенно большие заросли лоха встретишь на Алтае, где этот кустарник нередко и разводится вместе с облепихой.

Азбука народной мудрости

* Холоден сентябрь, да сыт.
* В сентябре и лист на дереве не держится.
* Много паутины на «бабье лето» — к ясной осени и холодной зиме.
* Гром в сентябре предвещает теплую осень.
* В сентябре одна ягода, и та горькая рябина.
* Холоденек батюшка-сентябрь, да кормить горазд.
* В сентябре синица просит осень в гости.
* В лесу много рябины — осень будет дождливая, а мало — сухая.
* Сырое лето и теплая осень — к долгой зиме.
* Проскакивают ясные деньки и по осени.
* Если лист ничком ложится, когда опадает, — к урожаю на будущий год.
* Рано с осени начнут линять куры — зима будет ранняя.
* Мыши вьют гнезда на верху копен — осень будет мокрая и продолжительная.
* В какую сторону спиною ложатся животные, с той и жди ветра.
* Послеобеденный дождь долгий.
* Птица хохлится — к непогоде.
* Коли много тенетника, дикие гуси садятся, скворцы еще не отлетают — осень протяжная и сухая.
* Гуси летят — зимушку на хвосте тащат.

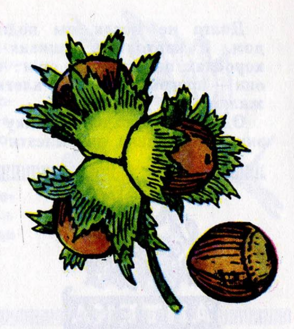
Отрадный, щедрый месяц, сколько он припас к осени вкусных плодов и ягод! Сочные, терпко-сладкие дикие яблоки, несравненная брусника, рябина — наш северный виноград, шиповник. В какой предел Берендеева царства ни пойдешь теперь — без гостинца не вернешься. И какие это гостинцы! Взять, к примеру, орехи лещинные — глаз не отвести от них. Средь огромных листьев горсточками свисают, так и просятся в кузовок. Снимешь орешек, раскроешь скорлупку, а там отличное, тугое ядрышко.

Пробуй на вкус, запоминай и этот дар Берендея.

Только не забудь правило: орехи нужно снимать осмотрительно, не торопясь, чтобы зря не губить рослые кусты. На верхушке кроны плоды не трогают, оставляют лесным обитателям про запас. Орешками любят лакомиться и белки, и сойки, и мышки.

Урожай складывают в легкую прутяную корзину или в холщовый мешочек. Дома орехи надо подсушить на солнце, вылущить из гнездышек, перебрать, а затем прокалить в печи на противнях. Каленые орехи будут годны к хранению, да и скорлупки у них легче лопаются. Каленый орех порадует и осенью и зимой.

Полезны орехи дикорастущей лещины. Ее семена богаты маслом, белками, клетчаткой, минеральными солями, витаминами. Это настоящие копилки ценных питательных и целебных веществ. Вместе с медом орехи хорошо укрепляют ослабленный организм, возвращают человеку здоровье.

Древесину лещины издавна применяют в столярном деле, а ровные нетолстые побеги пригодны для ручек к граблям и на обручи.

Растет лещина в подлеске, по оврагам, в ветрозащитных полосах. Это самый обыкновенный из наших рослых кустарников.

Наш гербарий

Скудеет суходол к середине лета. Изнуренные солнцем и знойными ветрами зеленые поселенцы заметно никнут, грубеют. И лишь тысячелистник стоит прям и голенаст, вровень со злаками. Да и зацвел к тому же! Крепкие, задеревенелые стебли его широко подернулись поверху плотными щитками, сразу преобразив выгорающее разнотравье. Переждет навытяжку тысячелистник и остаток лета, и всю долгую переменчивую осень. Померкнет, когда завернут заправские холода, зачастят ознобные дожди и просыплется жесткая снежная крупа.

Растение это распространено почти по всей Европе, встречается в Гималаях и Северной Америке. Оно великолепно выдерживает климатические невзгоды: жару, морозы, глубокий снежный покров, недостаток влаги. К почвам тоже неприхотливо, хотя и предпочитает рыхлые перегнои, легкие суглинки, удобренные пески и мергеля, торфяники. Не селится только по мокрым лугам. На тощем выгоне тысячелистник, естественно, худосочен и мал, на плодородных залежах, по опушкам и просекам — росл, представителен, увесист. Многолетник с тонким ползучим корневищем и подземными побегами, тысячелистник выгоняет сначала розетку длинных перистых листьев, затем — опушенные стебли.

Тысячелистник знаком людям с глубокой древности. Согласно преданию именно этой травой Ахилл — герой Троянской войны — лечил раны своим боевым друзьям. На Руси эта трава также исстари пользуется почетом. Порезник, кровавник, рудометка — вот так величалась она в народе. Именно ею крестьяне унимали кровь — руду при порезах серпом или косой. Пользовались целительной силой порезника и воины: смачивали рану соком из листьев или присыпали толченой сухой травой. Кровотечение останавливалось, рана без нагноения заживала. Вот почему тысячелистник у нас еще слыл как «солдатская трава».

Самый подручный и знакомый в зеленой аптеке — тысячелистник обыкновенный. Именно он включен во многие фармакопеи мира, в том числе и в отечественную.

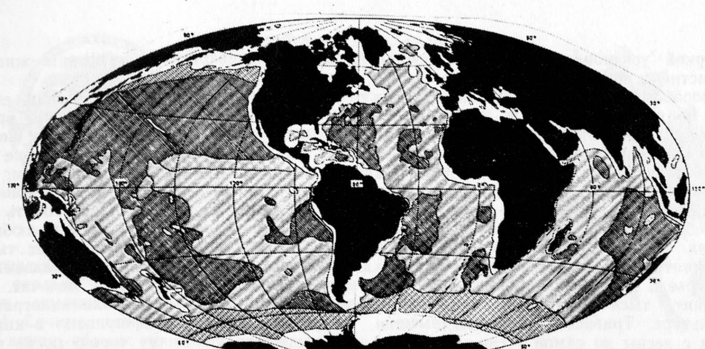
Проверкой установлено, что в листьях тысячелистника содержится алкалоид ахиллеин, способствующий свертыванию крови. Причем по силе действия он значительно превосходит даже хлористый кальций.

Сбор ахиллесовой травы ведут во время цветения. Для этого выходят пораньше с серпом и мешком, срезать надо только верхушки тысячелистника — соцветие и часть стебля. Сушат траву на вольном воздухе или под железной крышей. Запах сбора приятный, бальзамический. Хранят сухое сырье в жестяных коробках.

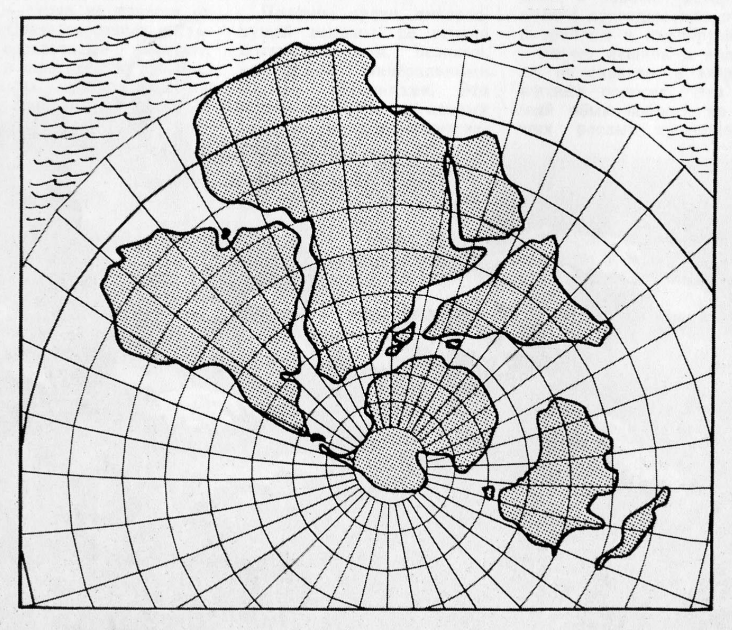
Знаменит тысячелистник и как фуражная культура. Травостой его густ, высок, надежен с весны до самой осени. Не боится вытаптывания и скусывания, недаром говорят, что трава эта отрастает под зубами у скота. Белков, правда, в порезнике небогато, зато его целебные свойства укрепляют пищеварительные органы животных, возбуждают аппетит.

Интересен тысячелистник и как естественное средство для уничтожения вредных насекомых. Его специфические вещества оказывают губительное действие на таких шестиногих вредителей, как тли, медяницы, трипсы. Настой травы убивает также паутинных клещей. Приготовить настой посильно каждому садоводу-любителю. Для этого заранее накашивают тысячелистник, причем берут всю надземную часть, затем траву сушат и мельчат. На ведро настоя требуется около килограмма резки. Слачала траву запаривают в кипятке, выдерживают минут сорок, после чего доливают воду до нужного объема. Настой процеживают, растворяют в нем двадцать граммов мыла — и препарат готов к опрыскиванию.

Движутся ли континенты?

Представьте, 200 миллионов лет назад Землю посетили пришельцы с какой-то далекой планеты. Они, наверное, окрестили бы нашу Землю планетой Океан, потому что вода покрывает $^2/_3$ ее поверхности. Как вы думаете, если бы тогда составили карту, похожа была бы она на привычную нам современную географическую? Скорее всего нет.

Ученые всего мира ломают себе голову над проблемой: движутся ли континенты? «Плывут» они куда-нибудь или стоят на месте, словно прибитые гвоздями к земному шару?

Известно, корабль, стоящий на якоре, все равно качается. Вверх-вниз, вправо-влево. А если поднять якорь, он начнет дрейфовать, поплывет по воле ветра и морских течений. Геологи знают, что все континенты покрыты мощными пластами морских осадков. Значит, они иногда опускаются ниже уровня моря, а затем снова поднимаются. Но если континенты могут «нырять», отчего бы им не двигаться на север или юг? Может быть, материки, как корабли, дрейфуют в Мировом океане и ползают по земному шару, словно улитки, с полюса на полюс?

Мысль, что целый материк может куда-то перемещаться, раньше казалась геологам совершенно невероятной. Откуда взяться силам, способным отбуксировать, скажем, Африку от Азии? Поэтому, когда залежи каменного угля или остатки теплолюбивых растений и животных находили в приполярных областях среди промерзших скал Антарктиды, Шпицбергена, Аляски, геологам приходилось допускать, что раньше и на полюсах Земли стояла тропическая жара. Но тогда еще труднее было объяснить следы древних оледенений в экваториальных странах — в пустыне Сахаре, в Южной Африке, Южной Америке, Индии и Австралии.

Географы уже давно заметили: если вырезать на глобусе контуры Африки и Южной Америки, а потом соединить их вместе, они совпадут, словно части составной картинки-загадки. Сходство еще более увеличится, если вырез идет не по береговой линии, а по очертаниям шельфа — мелководья, окружающего материк.

Но только в нашем веке начали серьезно говорить о том, что континенты могут перемещаться. В 1915 году немецкий геофизик Альберт Вегенер опубликовал книгу, в которой доказывал существование дрейфа континентов. Вегенер тоже был поражен удивительным сходством очертаний континентов. Он соединял их вместе, и они сливались в один огромный древний континент... Ученый назвал его «объединенным материком» — Пангеа. Представление о континентах, блуждающих по лику Земли, позволяло успешно разрешить многие спорные и необъяснимые проблемы геологии и палеонтологии.

Но случилось так, что почти все ученые отнеслись к работе Вегенера с полнейшим пренебрежением. Идею дрейфа континентов называли «совершеннейшей чепухой, противоречащей здравому смыслу». Вегенер погиб в ледниках Гренландии, а его книга не была принята учеными.

Как ни странно, подтверждение теории дрейфа материков пришло... со дна океана. Десять-пятнадцать лет назад начались интенсивные океанографические исследования, которые принесли буквально лавину удивительнейших открытий. Сенсации следовали одна за другой.

Прежде всего оказалось, что дно океана — совсем не плоская равнина, как думали раньше, а, наоборот, во всех океанах примерно посередине проходят гигантские подводные горные хребты, объединенные в одну систему. Длина всех хребтов чудовищно велика — 64 тысячи километров. Проходят они по земному шару, будто угловатые швы по футбольному мячу. Однако с наземными горами подводные не имеют ничего общего. Они «двойные»: посередине хребтов, прямо по их осевой линии, на десятки тысяч километров тянется узкая глубокая долина или расселина. Здесь обычно и начинаются все землетрясения морского дна.

Ученые не успели еще разобраться с этими необычными горами, как последовало новое открытие. На дне океана был обнаружен... гигантский «магнитофон» с удивительными записями.

Но прежде чем рассказывать об океанском «магнитофоне», сделаем небольшое отступление. Дело в том, что геофизики установили странное свойство расплавленной лавы: при застывании она как бы «вмораживает» в себя направление силовых линий магнитного поля Земли, тех самых, которые заставляют стрелку компаса показывать север и юг. Представьте удивление ученых, когда они изучили древние лавы и обнаружили, что магнитные полюса сотни раз менялись местами. Так, например, за последние 76 миллионов лет южное и северное направления по неизвестным причинам менялись местами более 170 раз! Но еще более поразительные результаты были получены при изучении магнитных свойств базальтовых лав океанского дна. Оказалось, история изменений магнитных полюсов Земли записана на океанском дне, как на магнитной пленке. Дно предстало перед учеными «магнитно-полосатым», как зебра! Полосы с одинаковыми записями тянулись вдоль океанических хребтов. При этом они были строго симметричными, и если, скажем, имелась «магнитофонная лента» с определенной записью в 800 километрах к западу от Срединно-Атлантического хребта, то точно такую же запись нетрудно было обнаружить в 800 километрах к востоку от центральной расселины. Так было доказано, что дно Атлантического океана расширяется со скоростью от 2 до 5 сантиметров в год. В некоторых местах эта скорость достигает 10 сантиметров в год! Как правило, именно в таких участках бывают наиболее сильные подводные землетрясения.

Дальнейшие исследования показали, что океанское дно — это огромный конвейер.

Из расселин в центре хребтов большими порциями вытекает расплавленная лава. Дно океанов постоянно расползается в разные стороны. К такому выводу ученые пришли, измеряя возраст горных пород, поднятых с морского дна. Так, например, если возраст лавы из расселины составляет лишь 13 тысяч лет, то лава, расположенная в 6,5 километра от нее, насчитывает уже 290 тысяч лет, в 16 километрах от расселины — 740 тысяч лет, а в 60 километрах — 8 миллионов лет. Иначе говоря, в центре океана горные породы всегда молодые, свежие, а по краям — более древние. Однако на дне океана не было найдено горных пород древнее 160 миллионов лет. Это тем более удивительно, что возраст горных пород на континентах достигает 4 миллиардов лет!

Все эти факты можно объяснить, исходя из непрерывного движения океанского дна в сторону континентов. А что потом? Геологи и геофизики считают, что океанское дно как бы «ныряет» под континенты, засасывается в глубины планеты по глубочайшим трещинам-разломам, отделяющим континенты от океанов.

Именно это «конвейерное» движение океанского дна, по-видимому, приводит в движение континенты. Изучение древнего магнетизма наземных горных пород подтвердило правильность старых представлений А. Вегенера о существовании Пангеи. Сейчас постепенно восстанавливается ее сложная история. Когда-то Пангея раскололась на две части, так что на севере оказались Азия (без Индии), Европа и Северная Америка. Этот древний материк геологи называют Лавразией. На юге же находилась Гондвана — континент, состоящий из Африки, Индии, Австралии, Антарктиды, Южной Америки.

Но эти континенты тоже были разорваны. И вот как это произошло. 135 миллионов лет назад появилась расселина между Африкой и Южной Америкой. Северная Америка рассталась с Европой всего лишь 80 миллионов лет назад. А 40 миллионов лет назад произошла катастрофа: Индия столкнулась с Азией. В результате «вздыбилось» Тибетское плоскогорье и образовались самые высокие горы — Гималаи.

Весь этот рассказ напоминает детективную историю. Но насколько он верен? Вот некоторые факты.

В горах Антарктиды ученые нашли кости листрозавра, сухопутного ящера, похожего на бегемота. Точно такие же животные обитали в Африке, Индии и Китае 180—220 миллионов лет назад. Они могли попасть в Антарктиду лишь при условии, что эти далекие страны когда-то соединились.

Сопоставляя геологическое строение западного побережья Африки и восточного побережья Южной Америки, ученые установили, что состав и возраст горных пород совпадают, вплоть до месторождений железных руд, олова и золота.

То, что в современных экваториальных странах находят ледниковые валуны, объясняется дрейфом древнего континента Гондваны, начавшимся 450 миллионов лет назад из района Южного полюса, а передвижение континентов делает понятным и происхождение горных хребтов на суше: они возникают при сжатиях или даже столкновениях континентов.

С передвижениями земной коры связаны и страшные разрушительные землетрясения. Они возникают, когда огромные глыбы движущихся горных пород по неведомым причинам «тормозятся», а затем внезапно сдвигаются. При таких толчках мгновенно выделяется такая же энергия, как при взрыве десятка водородных бомб. Может быть, закачивая в земные разломы воду, действующую подобно смазке, ученым удастся сделать дрейф отдельных блоков континентов более равномерным, чтобы нас не трясло, как на ухабистой дороге! И такие опыты уже проводятся японскими исследователями.

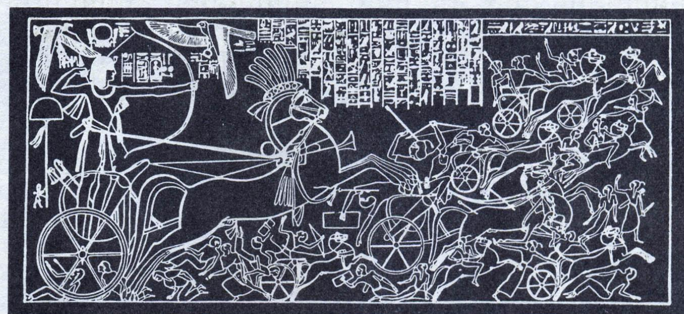
С движением континентов, по-видимому, связано еще одно необычное явление: вдоль расселин океанических хребтов в пучинах морей найдены удивительные подводные бассейны, заполненные очень соленой горячей водой, такой тяжелой, что она почти не смешивается с обычной морской водой. Температура таких «рассолов» доходит до 60 градусов! А в слоях яркого, пестро раскрашенного ила, покрывающего дно бассейнов, в огромных количествах содержатся медь, цинк, железо, марганец, а также золото и серебро. Может быть, здесь буквально «на наших глазах» идет загадочный процесс образования рудных месторождений?

Итак, ученые постепенно приходят к мысли, что наиболее постоянное качество нашей планеты — это ее непрерывное изменение. Исчезают и вновь появляются океаны, движутся в бесконечном хороводе континенты, растут и стираются в пыль горные хребты. Недалек день, когда наблюдатели обсерваторий с помощью лазерных лучей и специальных зеркальных отражателей, установленных на Луне советскими и американскими исследователями, смогут совершенно точно узнать величину и направление движения континентов.

Но предстоит сделать еще очень многое. Ведь прежде всего надо знать, какой «мотор», какие гигантские силы приводят в движение континенты и дно океанов.

А. Портнов,
кандидат геолого-минералогических наук

СИВКА-БУРКА

Они из отряда буйных носорогов и непокладистых зебр (фото 3). Мы едва ли преувеличим, если скажем, что для нас союз с лошадью был самым плодотворным из всех союзов, когда-либо заключенных с животными. Его последствия — освоение территорий, оседлая жизнь, основание цивилизации.

А вначале было приручение, равное подвигу. Поистине одного памятника мало тому бродячему охотнику, который сумел взять на службу животное с такими достоинствами!

Взгляните на лошадь. Ее вогнутая спина будто специально создана для седла, ее удлиненная морда и плечи — для хомута, и только у нее во рту возможны удила. Ее ноги — для быстрого бега, ее копыта — для подков, а ее неутомимость в работе выше, чем у такого силача, как слон.

У лошади удивительная память на места и предметы. Кому приходилось довериться лошади на ночных осенних дорогах, где и днем не мудрено заблудиться, тот навсегда оставит в своем сердце глубокое уважение к ее искусству ориентирования: она — пусть ни зги не видать! — привезет к дому.

Проработав часов пятнадцать в сутки, лошадь только немного поспит — хоть стоя! — и умудряется пастись. Причем, если есть такая необходимость, на израсходованных пастбищах, где коровы не могут урвать ни травинки. И не имеют вредной привычки выдергивать растения с корнем, как это делают козы. Кстати, пропитать лошадь чрезвычайно легко: два килограмма овса в день — и она сыта.

В XVI веке некий де Сотто, пират, прельстившись богатствами Северо-Американского континента, сменил свою профессию на конкистадорство. Силы для преодоления

◄1.

2

3.

сопротивления индейцев у бывшего пирата оказалось мало, и его поход закончился тем, что люди его были перебиты, а лошади, на которых он главным образом рассчитывал, разбежались и одичали. Так появились первые мустанги. Еще в 1925 году их было так много в Америке, что некоторые предполагали: мустангов миллион! Но это, конечно, преувеличение. В наши дни они живут на воле в пустынных уголках Невады, Монтаны, Вайоминга и других штатов. Американские зоологи утверждают: мустангов сейчас около семнадцати тысяч.

И в Европе есть свои мустанги — одичавшие лошади Камарга (фото 4, 5). Они находят себе приют в болотистых низинах на юге Франции, люди их не трогают, объявили те края заповедными.

Вообще одичавшие лошади, несмотря на то, что очень быстро возвращаются к повадкам своих предков, сильно отличаются от настоящих диких лошадей. Они длинногривы, длиннохвосты, с ниспадающей на глаза челкой, имеют как бы запущенный вид. Дикари же словно своего парикмахера держат: челки, хвосты и гривы у них как подстрижены. И конечно, в цвете одежды есть разница. Лошади Пржевальского буланой масти, а тарпаны были мышастой. Природа — селекционер строгий, ее звери носят лишь свойственные их виду окраски. Лошади же, побывавшие под властью человека, а потом одичавшие, как бы отражают его прихотливый вкус: бывают светло-серыми, рыжими, гнедыми, даже пегими.

И по росту лошади бывают самые разные. Есть пони — в холке меньше овчарки (см. 1-ю стр. обложки.) На них с успехом учатся верховой езде двухлетние дети. А есть тяжеловозы, везущие телегу с грузом в десять тонн. С места они такую махину стронуть не могут: груз им добавляют во время движения малыми порциями.

А лучшие спортивные лошади могут прыгать в длину на восемь метров, в высоту — на три! И скачут под всадником со скоростью 60—70 километров в час!

Созданы породы упряжных лошадей, специальность которых бежать только рысью.

Осел (фото 2) — ближайший родственник лошади. Он меньше ее, но его выносливость, крепость спины и копыт поразительны. Представляете, тащится по жаркой каменистой местности миниатюрненький ослик, а верхом на нем, чуть не волоча ноги по земле, сидит солидный человек. Сам сидит да еще навьючил на осла два мешка с кладью. Просто не верится, как такое небольшое животное может столько тащить на себе!

Лошадь способна унести на спине вьюк в половину своего веса, а осел — почти вдвое больше! Из любопытства сравним. Человек может унести на плечах груз в $^5/_4$ собственного веса, а пчела в 24 раза больше, чем весит сама. Жара ослу нипочем. Похрустел сухой сорняковой травкой или соломой бросовой — и пошел тащить! Правда, характером бывает упрям: нет настроения идти — не стронешь его с места.

Осел умное и смелое животное. В Аргентине говорят: ни одна пума не решается подступиться к ослу. В схватке он бьет копытами, грызет зубами да еще столь громко орет, что хищник после первых атак предпочитает оставить его в покое.

Чтобы прибавить ослам силы и роста, люди давно уже скрещивают их с лошадью. Получают гибриды двух типов: мулов и лошаков. Лошак (помесь жеребца с ослицей) — менее удачный вариант, чем мул (помесь осла с кобылой), и лошаков перестали разводить. Но мулы (фото 1), соединив в себе лучшие качества осла и лошади, с успехом служили и служат людям — и в упряжках, и под вьюком, и под седлом. Лучшие породы мулов ростом и силой не уступают средней лошади и всегда были полезны в дальних путешествиях. А несколько веков назад их признавали лучшим транспортным средством епископы. Даже рыцари в походах, стараясь сберечь силы боевых коней, ездили на мулах.

В наш век мотор, оставив при себе понятие «лошадиная сила», кажется, по всем статьям теснит верного друга людей. На пашнях — тракторы, на дорогах — автомашины. И на полях сражений современной войны конница далеко уже не главная сила, как это было еще полсотни лет назад.

Но — и на первый взгляд это кажется

4.

странным — факты упрямо твердят, что лошадь не только рано в архив сдавать, но, по всей вероятности, она никогда туда не попадет. Например, за последние сто лет цены на лошадей на мировых аукционах не снижались. На конных заводах нашей страны разводят лучшие в мире породы. На аукционы, которые проводятся в СССР ежегодно, приезжают покупатели отовсюду, и нередко заявленные цены поднимаются до многих тысяч долларов. Это на лошадей хоть и породистых, но не самых ценных — не рекордсменов, не племенных производителей. Покупают для спорта, верховых прогулок, игр и прочих подобных целей.

Лошадь снова входит в моду. В городах и в сельских районах число ферм, ранчо и станций проката верховых лошадей растет с каждым годом. Конный туризм и конный спорт расширяют круг своих поклонников и любителей. Разве плохо, если ваша цель — прокатиться не спеша на чистом воздухе, сесть не в душный автомобиль, а в добрую коляску, запряженную прекрасной лошадью?! Ушедшая было в историю профессия извозчика кое-где возрождается.

Нет, рано лошадям в архив. Мы даже уверены, что люди, пресытясь автоувлечениями, вернут — и вскорости — свою былую привязанность замечательному живому другу. И может быть, старая дружба проявится в какой-то иной форме, которая поднимет лошадь на новый гребень славы.

И. Акимушкин,
О. Кузнецов

5.

ДЖ. ДАРРЕЛЛ

РАСКАПЫВАЕМ ПОПОКАТЕПЕТЛЬ

В один прекрасный день, когда я просматривал почту, мое внимание привлекла одна статья в журнале «Энимэлз». Некий мистер Норман Пеллем Райт рассказывал о необычном маленьком зверьке — так называемом вулканическом кролике, или тепоринго. Я слышал о нем, но до сих пор не подозревал, что этому кролику грозит полное истребление. Тепоринго обитает лишь на склонах нескольких вулканов около Мехико. Мяса от этого крохотного зверька очень мало. И хотя он охраняется законом, местные охотники упражняются на нем в стрельбе и используют его, чтобы натаскивать своих собак. Мистер Пеллем Райт заключал свою статью призывом: «Пусть какой-нибудь зоопарк попробует приобрести тепоринго и развести их в неволе на случай, если они будут окончательно истреблены в Мексике».

Подходящая задача для треста! С таким маленьким животным проще справиться. И хотя я знал, что содержание в неволе представителей заячьего семейства нелегкое дело, меня утешала мысль, что терпение и труд помогут нам справиться. Закрыв журнал, я задумался над предстоящими проблемами. Полистал справочники и выяснил, что с кормом тут будет сложно, потому что вулканический кролик обитает на большой высоте, среди травы закатон. Этой травой он и питается. Как-то тепоринго отнесется к другой зелени? Опять же высота. Очень серьезная проблема, ведь мы повезем кроликов на самолете из Мексики на Джерси, а это значит, что с высоты трех тысяч метров они опустятся почти до нуля.

Вывезти из страны животное, которое строго охраняется законом, не так-то просто даже для уважаемой научной организации. Поэтому мистеру Пеллему Райту и мне пришлось довольно долго переписываться с государственными органами Мексики, прежде чем я получил разрешение попытаться изловить вулканического кролика.

Изучая литературу, я выяснил, что в Мексике есть еще животные — три вида птиц, которым угрожает полное истребление и которые строго охраняются. Во-первых, квезал — изумительно красивая птица с золотисто-зеленым оперением, алой грудкой и длинными, отливающими металлом хвостовыми перьями. Во-вторых, рогатая паламедея величиной с индейку, с острым рогом на голове, похожим на носорожий. И в-третьих, толстоклювый попугай — яркая зеленая птица с алыми перьями вокруг клюва, причем на крыльях и ногах перья тоже с алым отливом.

Мексиканские власти разрешили мне отловить только вулканического кролика и толстоклювого попугая. Рогатая паламедея и квезал стали слишком большой редкостью. И у мексиканских властей были свои соображения насчет охраны этих птиц.

Наш отряд состоял из Джеки, меня, Шепа, моей секретарши Дорин и Пегги Кэрд. Месяц спустя пароход «Ремшид» вошел в порт Веракрус. Я поднялся на палубу посмотреть на город. Картина была оживленная, радостная, в воздухе носились такие приятные запахи, что я тотчас проникся особенным расположением к Мексике. Но первое впечатление бывает обманчивым. Я убедился в этом, как только мы вошли в таможню. Таможенники всегда и всюду склонны придираться, но особенно трудно поладить с ними зверолову. Ведь его снаряжение представляет такой пестрый набор самых разных предметов (от мясорубок до медицинских шприцев), что невозможно поверить, будто он приехал в страну только за тем, чтобы ловить животных. Гора снаряжения, которую мы выложили на стойку,

растянулась почти на десять метров — как тут не призадуматься таможеннику!

На следующее утро мы с Джеки и Пегги поехали в Мехико. Природа поразила нас своей необычностью. Только что мы были в окружающих Веракрус тропиках с ананасами, бананами и подобными плодами, и вот уже крутой подъем совершенно изменил картину: кругом субтропические деревья необыкновенной окраски и формы. Неожиданно мы попали в сосновый лес. Было так прохладно, что пришлось надевать вязаные жакеты. Дальше раскинулась обширная гладкая равнина, а за ней впереди показались могучие вулканы Попокатепетль, Истаксиуатль и Аюско. К их подножью лепилось большое серо-белое облако.

— Это и есть Мехико, — сказала Пегги.

— Как? Это облако? — спросил я.

— Ну да, — подтвердила она. — Так мне говорили. Это смог.

Я недоверчиво посмотрел на нее.

— Неужели все это облако — смог? Да ведь так недолго и задохнуться!

То, что сказала Пегги насчет смога, подтвердилось: воздух был ужасный, в нем смешались запахи нефти, бензина, дыма и прочих результатов деятельности человека. Казалось, легкие отныне и навсегда будут заражены этим ядом. Попав в «пробку» — а мы то и дело застревали, — надо было выбирать одно из двух — либо наглухо закрыть окошки, рискуя изжариться заживо, либо стараться вдыхать не чаще одного раза в пять минут.

Хотя мне не дали разрешения отловить рогатую паламедею и квезала, хотелось посмотреть на местность, в которой они обитают. И я предложил взять курс через всю Мексику к границе Гватемалы, где водятся эти птицы.

Не помню, чтобы где-нибудь еще на свете мне пришлось за столь короткий срок повидать такую разнообразную природу. Сначала — субтропические равнины с ручьями и каналами, изобилующими всякими птицами. Огромные стаи одного местного представителя вороновых летали над дорогой — этакие черные сороки, только размером поменьше и с коротким тяжелым клювом. На ручьях и каналах, густо поросших водорослями, сновали яканы — странные небольшие птицы с удлиненными пальцами ног, позволяющими им ходить по плавающим на воде растениям.

Когда она, спугнутая машиной, взлетала, были видны длинные свисающие пальцы и лютиково-желтая «подкладка» крыльев, которыми птица часто махала в воздухе.

Мы наблюдали также множество челноклювов. Из всех околоводных птиц у них, по-моему, самый скорбный вид. Мощный лодковидный клюв, большие грустные глаза. Они сидели стайками на деревьях, положив клювы на грудь.

Дорога пошла в гору, и начались почти тропические леса. С ветвей свисали зеленые водопады сероватого испанского мха, а стволы подчас были совершенно скрыты растущими на них орхидеями и другими эпифитами. Крутые откосы по бокам дороги были покрыты ковром мелкой растительности. Среди них высились крупные папоротники. Растения были настолько необычными и разнообразными, что я проклинал себя за свое невежество в ботанике.

В этом самом лесу нас застал дождь — дождь, какой только в тропиках бывает. Вода с неба поливала мощными струями, и грунтовая дорога живо превратилась в коварное месиво. Видимость сократилась до нескольких десятков сантиметров. Джеки и Шеп ехали на «лендровере», мы с Пегги и Диксом — мексиканским студентом — впереди на «мерседесе».

Наконец дождь прекратился, а потом кончился тропический лес, и мы — такова уж своеобразная природа Мексики — без всякого перехода оказались в горном сосновом лесу. Десять минут назад мы обливались потом на тропической жаре, здесь же было так прохладно, что пришлось надеть всю теплую одежду, какая была у нас в запасе.

Дорога совсем взбесилась, пошла выписывать петли по долинам, по горам, по крутым склонам. Чем дальше — тем удивительнее растительность. В долинах — пышные тропики, а через несколько минут подъема на гору — опаленные солнцем, иссушенные просторы и ряды деревьев совсем без листвы с изумительными шелковисто-красными стволами. Причем стволы и ветви были такие корявые, что казалось, будто нас на протяжении многих километров обступил застывший в причудливых позах кордебалет. Поворот — и нет красных деревьев, их сменили такие же по рисунку, но с серебристо-серой корой, отливающей металлом в солнечных лучах. И тоже без листвы.

Еще поворот — все деревья пропали, перед нами раскинулись кактусы высотой до шести-семи метров. Это были канделябровые кактусы. Их ветви так отходили от ствола, что казалось, будто по всему горному склону густо выстроились зеленые канделябры. В голубом небе черными крестиками медленно кружили какие-то ястребы; дорогу то и дело пересекали галопом погоныши — странные небольшие птицы с хохолком, длинным хвостом и огромными плоскими лапами. На бегу они чуть не касались лапами щек, и вид у них был такой сосредоточенный, точно они вознамерились побить мировой рекорд на одну милю.

Наконец мы прибыли в городок Туле. К моему удивлению, Дикс остановил машину возле ограды какого-то парка, посреди которого высилась церковь.

— Зачем мы здесь встали? — спросил я.

— Чтобы посмотреть дерево, — ответил Дикс с обычным для него мрачным видом. — В Мексике все непременно приезжают посмотреть это дерево.

Я услышал причудливые звуки флейты и глухой стук барабана. Через ворота мы вошли в маленький парк, окружающий церквушку, и увидели возвышающееся над нею, обнесенное надежной оградой дерево. У меня захватило дух. И не столько от высоты дерева (мне приходилось видеть деревья повыше), сколько от его массивности. Могучий конус шелестящей листвы обнимал ствол, размеры которого превосходили всякое воображение. Корни-контрфорсы впивались в землю, будто когти какой-нибудь гигантской хищной птицы из легенды — скажем, птицы Рух из сказки о Синдбаде. И хотя я ничего не знал о его прошлом и возрасте, при всем моем невежестве я тотчас понял, что это всем деревьям дерево. У него был ярко выраженный характер. Мы все были ошеломлены, даже Дикс, который бывал здесь раньше.

— Говорят, — сообщила Пегги приглушенным голосом, словно перед нами была святыня, — что ему три тысячи лет.

Глядя на могучий фонтан из листьев, я подумал, что в таком случае дерево уже росло тут за тысячу лет до нашей эры.

Кроме нас подле дерева стояли только престарелый слепой индеец в рваной, выцветшей одежде и помятой соломенной шляпе (это он играл на флейте какую-то необычную мелодию азиатского типа) и мальчуган лет шести-семи, выбивавший замысловатую дробь на барабане.

Судя по тому, что они нас не заметили, они играли не ради нескольких песо, на которые могут расщедриться туристы.

— Бьюсь об заклад, они играют для дерева, — сказала Джеки.

— Гром и молния! — воскликнул я. — Это вполне возможно. Пегги, попробуй спроси их.

— По правде говоря, мне не хотелось бы им мешать.

Но случай помог нам: старик отнял флейту от губ, вытер рот и замер перед деревом. Мальчуган перестал барабанить. Глядя на землю, он чертил в пыли босыми пальцами.

Пегги несмело подошла к индейцу и заговорила с ним. Когда она вернулась, лицо ее сияло.

— Он в самом деле играет для дерева! Играет для дерева!

Но почему он играет для дерева?

Может быть, он надеется, что дерево вернет ему зрение? Или играет просто потому, что это всем деревьям дерево? Ни у кого из нас не поворачивался язык спросить его.

Как ни увлекательна была наша поездка, нам не удалось добраться до гватемальской границы и посмотреть рогатую паламедею и квезала. Мы возвратились в столицу. Стали готовиться к охоте на кроликов.

Первую попытку я решил предпринять на самом Попокатепетле.

Добравшись до национального парка Попокатепетль, мы вышли из машины и вдохнули такой свежий воздух, что с непривычки легким стало больно. Над нами возвышался могучий снежный купол — вершина вулкана. С трудом мы разыскали лесничего. Он охотно принялся рассказывать нам про вулканических кроликов. Как же, он их хорошо знает, они часто встречаются в разных концах парка и на склонах вулкана. Не без гордости он добавил, что недавно сам поймал двух тепоринго.

— Где они? — воскликнул я.

— Как где? Я их съел.

Речь шла о животном, которое — во всяком случае на бумаге — относилось к числу наиболее охраняемых в Мексике. И со мной говорил лесничий национального парка.

Как бы то ни было, мы выяснили, что, несмотря на старания лесничего, еще не все тепоринго истреблены. Приехав в отель, мы узнали, что владелец разыскал для нас своего товарища, который прекрасно знал нравы и привычки тепоринго. Оказалось, единственный способ поймать вулканического кролика — выкопать его из земли. Работа нелегкая, но все же выполнимая. Мы условились, что на следующее утро снова поднимемся на склон вулкана.

(Продолжение следует)

Сокращенный перевод с английского

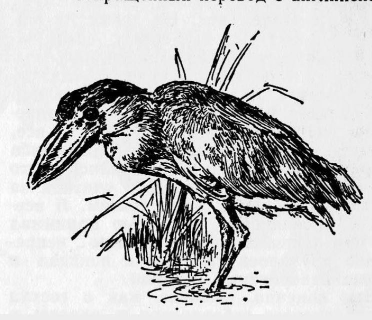

Рис. В. Карабута

— Любознательные члены Клуба Почемучек! Не теряя ни минуты драгоценного часа нашего заседания, приступаем к делу. Настало время сказать вам о мечте, которая с некоторых пор не покидает меня. Вы, безусловно, знаете из моих рассказов о том, что все, с кем мне приходилось когда-либо встречаться, тотчас убеждались, что я человек замечательный, и считали за честь видеть меня своим гостем. Я всегда с величайшей радостью принимал их приглашения, ибо при этом непременно случалось так, что я попадал в самые невероятные истории.

Вы, конечно, помните, как я гостил у цейлонского губернатора и, охотясь в лесу, победил двух чудовищ: крокодила и льва. А турецкий султан однажды доверил мне величайшую тайну, и в результате я стал участником неописуемых приключений. Да, у меня всегда было неисчислимое количество друзей, и все они горячо и нежно любили меня.

— И Почемучки любят вас и пишут об этом в письмах.

— Вы говорите истинную правду, Айболит. Однако никто меня не приглашает в гости. А именно об этом я и мечтаю. Но хочу побывать у тех, кто предполагает чем-то удивить меня.

— Но, Мюнхгаузен, как вы и сами понимаете, сделать такое приглашение смогут далеко не все. Ведь вы человек

столько повидавший, что удивить вас непросто.

— Отправляясь в путь, дорогой Айболит, я никогда заранее не предполагаю, что может из этого получиться.

— В таком случае, мне кажется, в Клубе Почемучек необходимо немедленно сделать объявление.

Всем, всем Почемучкам!

Присылайте приглашения с рассказами о находках, открытиях, интересных местах. Если они удивят Мюнхгаузена, он обещает приехать к вам.

В первую очередь Мюнхгаузен с удовольствием посетит Клубы Почемучек, организованные в школах, на станциях юннатов, в Домах пионеров.

О своих путешествиях по приглашениям Почемучек Мюнхгаузен будет рассказывать на заседаниях Клуба.

— Но, уважаемый Мюнхгаузен, для таких далеких путешествий вам понадобится транспорт.

— Не беспокойтесь, Айболит. Как всем известно, я путешествовал даже с помощью горохового стебля... Кстати, мне вспомнился рассказ одного человека о путешествиях на весьма далекие расстояния и без всякого транспорта.

— Невероятно! Кто же эти путешественники?

— Мы сейчас услышим о них из рассказа Валерия Григорьевича Соснова.

Пешком и на парашюте

Прямо удивительно, как все растения: деревья, кустарники, травы — цепляются за жизнь, стремятся расселить свое потомство, захватить новый кусочек земли.

Взять хоть елку. В феврале растопыриваются еловые шишки. Словно на парашютах, опускаются на снег темно-

коричневые семечки. У каждого маленькое крылышко, оно может служить и парусом. Подует ветер, и помчится по жесткому насту крошечный буер в погоне за жизненным пространством.

Немногим посчастливится пустить корешки, справиться с недружелюбными соседями, которые будут всячески стараться отобрать влагу, закрыть свет, заглушить. Некоторые, например репейник, цепляются за проходящих мимо животных и людей и таким образом отправляют своих детей на новые места. Те растения, у которых съедобны плоды, приспособили для себя разносчиками зверей и птиц. Проглотит дрозд или зарянка ягоду бузины. Семечки побудут немного в птичьем желудке, не потеряв всхожести, вместе с пометом упадут на землю в том месте, где птицы заночевали.

Семена дуба и кедра прячут на черный день в укромных уголках белки, кедровки и сойки. И нередко забывают о своих кладовках или не полностью их используют. И тогда семена прорастают. Приглядитесь, когда ходите по лесу, наверное, заметите одинокий дубок. Откуда он взялся, ведь желуди тяжелые, ветер их не может разнести?

Семена черной ольхи обладают плавучестью. Высыпаются из шишечек они в конце зимы и вместе с ручьями уплывают на новые места.

Смотришь и удивляешься: до чего же все ловко и хитро устраиваются.

Вдоль дорожек нашего сада расцвели желтые одуванчики. Это было очень красиво: среди зеленой травы желтые цветы. Но одуванчик — вредный сорняк. Не успеешь оглянуться, как вместо цветов появятся белые воздушные шарики семян, подует ветер и засорит весь сад. И мы скосили одуванчики. На другой день я пришел с граблями, чтобы убрать сорняки в компостную кучу. Но вместо желтых цветков виднелись белые шарики, тронь — и разлетятся. И умирая, одуванчики успели передать потомству свои последние силы.

— В почтовой сумке множество сообщений от строителей птичьих домиков. Птицы давно справили новоселье, вырастили птенцов.

— Я полагаю, Почемучки, необходимо поблагодарить всех строителей Птицеграда, подарив им любопытный рассказ, ибо я считаю, нет лучшей награды для Почемучек, как узнать еще одну удивительную историю из жизни птиц. А история действительно интересная. Рассказывает Володя Ракитский.

Янтарчик

Это было в июле. В лесу на небольшом кустике я увидел иволгу. Она сидела и жалобно попискивала. Подойти поближе, рассмотреть эту красивую птицу не удалось. Она спрыгнула в траву и спряталась.

Я понял, летать она не может. Когда я ее поймал, она подняла невероятный крик. У нее было ранено крыло. Я решил взять иволгу домой, чтобы эта полезная птица не стала легкой добычей лесных хищников. Больше двух месяцев прожила она у меня в неволе. Я назвал птицу Янтарчиком.

Я думал, что и дома она будет пугливая, но все оказалось не так. Янтарчик, наверное, был очень голоден, вел себя на удивление спокойно. Брал из рук пищу. Мне очень понравилось, как он ел твердокрылых жуков: держал в клюве и ударял поочередно слева направо, а потом справа налево по ветке, на которой сидел. И лишь после этого проглатывал, причем всегда с головы.

В первую очередь меня волновала, конечно, проблема питания. Я прочитал, что иволги в конце лета охотно едят плоды и ягоды, особенно любят шелковицу. Я знал, что это насекомоядная птица, поэтому стал предлагать ей разный корм. Янтарчик охотно ел ночных бабочек, мотыльков, кузнечиков, жуков и мух. Из насекомых любимым его блюдом были стрекозы и кузнечики. Но он охотно ел и мелкие кусочки вареных яиц, моркови и картофеля. Из

фруктов и ягод больше всего любил шелковицу. За один раз съедал до 10 крупных ягод. Охотно ел вишни, ягоды бузины, крыжовника, мелкие кусочки яблок, груш, слив, арбузов и дынь.

Однажды вместо воды я дал ему кефира. Он выпил его весь и с тех пор постоянно пил кефир. Как только я приближался с кефиром, Янтарчик тут же бросался к кормушке. Он охотно ел и другие молочные продукты, очень любил манную кашу на молоке.

Периодически в клетку к Янтарчику я ставил крупный песок, он выбирал камешки и проглатывал. Аппетит у него был хороший.

Воду Янтарчик пил ежедневно, иногда в жаркую погоду купался, а потом целый час наводил туалет: чистил крылышки, перья, распушивал их.

Когда крыло начало заживать, Янтарчик стал понемногу летать по комнате, но всегда возвращался в свой уголок, где я поставил ему ветку. Спал он на этой же ветке. При этом клюв прятал под крыло, очень распушивал перья, превращаясь в пушистый клубочек, спал он, стоя на одной ноге, и время от времени менял ногу.

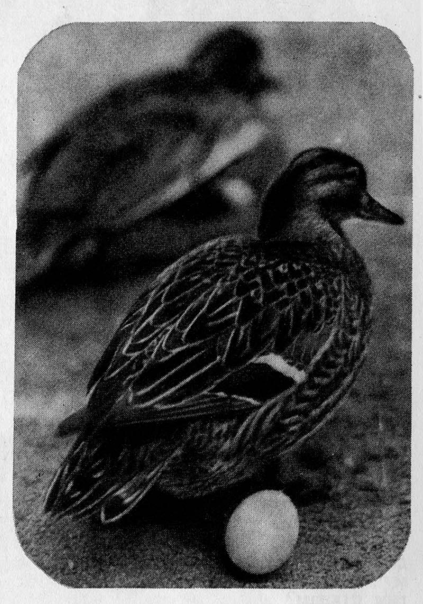
В сентябре стало прохладнее. Янтарчик начал себя вести очень беспокойно. Даже ночью слетал с ветки, пытаясь куда-то лететь. Я думаю, это беспокойство было вызвано инстинктом отлета иволг в теплые края. И Янтарчик улетел: балконная дверь была чуточку приоткрыта. Мне, конечно, было жаль с ним расставаться, но я рад, что подлечил его и он опять будет летать, приносить пользу.

— Взглянув на эту фотографию, представленную на нашей фотовыставке «Удивительное рядом», пожалуй, никто не удивится. Даже Почемучки. Однако, уверяю вас, событие, запечатленное на фотографии, редчайшее. Почему? Слушайте рассказ Юрия Дмитриевича Ковальчука.

Чирок-свистунок

В начале июня в Московском зоопарке мне удалось запечатлеть довольно редкое явление. Дикая утка чирок-свистунок в неволе на открытом месте снесла яйцо. По словам научных сотрудников зоопарка, это явление довольно редкое, так как эта утка почти не откладывает яиц в неволе.

Правда, в зоопарке за последнее время такое случается не впервой: человек хорошо ухаживает за утками и создал для них условия, близкие к природным.

Чирок-свистунок — птица перелетная. Живет оседло только на Британских островах, в Исландии и Японии. Для гнездования свистунки выбирают места неприметные, где можно спрятать гнездо, например под кустом или в траве.

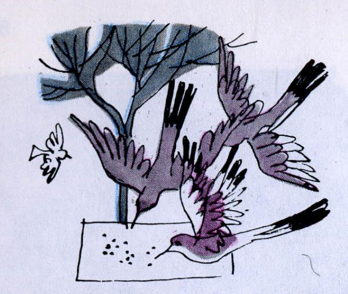
Селятся они обычно вблизи воды. Яйца чирки начинают откладывать вскоре после прилета. Они белые, слегка желтоватые.

— Узнал об этом с величайшей радостью. И еще раз убедился в том, что заботливое отношение к животным творит чудеса.

— А вот наблюдение Киры Савельевой из города Риги.

Случай с соронами

В саду около своего дома я устроила кормушки. Птицы там могут хорошо позавтракать, их никто не трогает и никто им не мешает. А для синичек развесила на деревьях кусочки сала.

Сразу же откуда-то появилась сорока, потом еще и еще... Собралась целая стая этих разбойниц. Все сороки без страха бросились на сало. Они клевали его, вырывали целыми кусками и с жадностью проглатывали.

Сначала я была рада, что помогла сорокам, а потом уже только заметила синичек, которые безуспешно пробовали подлетать к салу. Разбойницы гнали их и не подпускали к своему лакомству.

Вот я и подумала: «Хоть я и сделала кормушки, а из-за всей этой стаи сорок синички, снегири, зеленушки и другие птицы останутся голодными».

Почемучки, что вы мне посоветуете делать? Может, развесить побольше кормушек, чтобы хватило и сорокам, и другим птицам?

— Позвольте, уважаемый Мюнхгаузен, задать вопрос Почемучкам?

— Вопросы, дорогой Айболит, будут задаваться несколько позже. Но если вы настаиваете...

— Да, ибо вопрос к строителям Птицеграда. Встречалась ли им птица по имени «печник»? Нет? Я так и думал. А поэтому предлагаю послушать, что расскажет о них Игорь Иванович Акимушкин.

Гнезда из кирпичей

Печники — обычные птицы пампасов. Окрашены скромно — в бурые тона, ростом невелики. Обитают они в Центральной и Южной Америке. Сидят на заборах, ветках деревьев, откуда хорошо видно все вокруг, и поют несложные звонкие песни. Часто дуэтом — самец и самка, сидя рядом. Весь год звучат «колокольчатым смехом» их голоса, и весь год, кроме немногих недель, пока линяют, строят они свои удивительные гнезда. Кажется, один лишь вид сырой земли побуждает птиц к строительству. Ибо из сырой земли и глины, добавив немного стебельков и коровьего навоза, строят они гнезда. Но не просто все это лепят в кучу, а сначала скатают кирпичики (по 3—5 граммов весом). Затем на столбах заборов, на ветвях деревьев, на крышах домов, реже на земле делают из них фундамент будущего дома. Потом возводят круглые стены, но не замкнутые по орбите, а как бы закрученные, словно часовая пружина, снаружи внутрь. По спирали между внутренним и внешним витками этой «пружины» идет узкий вход в более вместительную гнездовую камеру в центре спирально устроенных стен.

На один такой дом (он весит 4—7 килограммов!) уходит от 1500 до 2500 «кирпичей». Сооружается он за 10—15 дней. Если учесть, что каждая пара (вместе или порознь) одновременно строит до четырех гнезд, трудолюбие у этих птиц немалое.

Три-четыре яйца птицы насиживают 14—18 дней. Птенцам еще только две недели, а они уже, высунув голову из «двери» дома, поют!

В семействе печников 219 видов, но далеко не все строят такие гнезда-печи. У большинства видов этого семейства домики попроще.

— Слушая рассказ о птицах пампасов, я вспомнил свое путешествие в край тропического солнца и вечнозеленых лесов. Как всегда, я бродил в поисках приключений. И, как вы знаете, удивительное всегда подстерегает меня. Среди яркой зелени вдруг мелькнули... оленьи рога.

— Олень в тропиках? Фантазия, Мюнхгаузен.

— Это был... Послушайте, что рассказывает Валентина Михайловна Карева.

Олений рог

Тропики для каждого человека связаны с мечтами о далеких путешествиях в страны, где никогда не бывает зимы и где под жаркими лучами тропического солнца раскинулись непроходимые вечнозеленые леса. В трещинах коры, среди стволов и ветвей, где накапливаются опавшие и перепревшие листья, селятся многочисленные растения-эпифиты, стремящиеся использовать каждое мало-мальски пригодное для жизни место. С ветвей толстых деревьев свешиваются яркие цветы орхидей. Тут же виднеются кружевные листья папоротников.

Неожиданно среди зеленой массы экзотических растений взгляд привлекает

что-то удивительно похожее на оленьи рога. Это папоротник из семейства многоножковых — платицериум. Его называют «оленьим рогом» за лопатообразные резные листья. Помимо резных листьев у папоротника есть еще и округлые, нижний край которых плотно прижат к стволу. Между стволом и прижатыми к нему листьями скапливаются листья, кора, стекающая по стволу вода. Со временем там образуется почва. Округлые листья, перегнивая, также создают почву. Выходит, растение само готовит себе питание. Иногда говорят, что «олений рог» — это папоротник, который сам себя кормит. Резные листья несут спорангии со спорами, которые разносятся ветром на большие расстояния.

Папоротник «олений рог» как оригинальное декоративное растение можно увидеть в оранжереях ботанических садов. Есть это растение и в коллекции Главного ботанического сада АН СССР. Оно примостилось на дереве, как и на своей далекой тропической родине. Увидев его, вы представите себе частицу полного загадок тропического леса.

— Я как доктор всех птиц и зверей позволю себе дать полезный рецепт. Срочно заготовить семена трав, тыквы, арбуза, ягоды рябины, калины, боярышника, бузины.

Развесить кормушки сейчас, осенью, не дожидаясь зимней стужи.

Прошу считать это заданием. О выполнении сообщать мне.

А ВОТ И ВОПРОСЫ.

1. Могут ли в одном аквариуме жить вместе гуппи и золотые рыбки?

Ванда Мантак
г. Советская Гавань

2. Что значит вода цветет? И вообще, как это она цветет?

Ира Рыженкова
г. Саратов

ЭДУАРД КОРПАЧЕВ

ТРОЙКА ЗАПРЯЖЕННЫХ КУЗНЕЧИКОВ

ПОВЕСТЬ*

Как запрягают кузнечиков

Все ясно, и нечего искать Связиста, и надо избавиться от горестных дум, надо хотя бы лечь на подсыхающие валки травы, спрятать лицо и лежать, подставляя закопченную спину солнцу июня.

Ах, да ведь у него еще плененные кузнечики!

Как о своем спасении, вспомнил Авера о забаве, достал и раскрыл ветшающий спичечный коробок, и кузнечики, привыкшие к плену, даже и не выскочили вон. Конечно же, эти кузнечики ни для какой упряжки уже не годились, были истомлены заточением, и пускай они обретают волю, пускай.

А потом Авера встал и побрел охотиться за новыми голенастыми кузнечиками, чтобы случайно не попались опять эти, уже утратившие свой азарт, уже побывавшие взаперти.

Туда, где виднелись у леса потерявшие за далью свой стрекочущий голос сенокосилки, где работали люди и где разъезжал в запряженной качалке отец, совсем не тянуло Аверу. Ну, допустим, посадит отец к себе на колени, понесутся они по логам и буграм, а все равно ничем не успокоит отец, никак не избавит от горестных мыслей о Связисте.

И вот бродил Авера вдоль берега Днепра, гонялся за кузнечиками, а все не отступала как будто и впрямь зримая им когда-то картина: как уносит шустрая кобылка, матка Связиста, мальчугана, похожего на отца... И как потом уже, в отряде, появляется у кобылки стригунок, которого кормят с ладоней то один мальчуган, чем-то напоминающий отца, то другой, чернявый мальчуган, чем-то напоминающий Харитона Ивановича...

Очень скоро он натолкал в спичечный коробок красивых, лощеных кузнечиков, среди которых могли быть и коренники, и пристяжные в необычайной упряжке. Все они шуршали, пощелкивали о крышку, все искали выхода из западни.

К парому идти было далеко, да и не хотелось томиться у причала, ждать медлительный транспорт.

Как хорошо, что дома никого не оказалось и что можно было одному приняться за дело! «Никакая это не сказка», — медленно возражал он Харитону Ивановичу, его вчерашним словам и ловко пристегивал кузнечиков арканом нитки к их общей дуге — тоненькой спичке, пристегивал так, чтоб они не смогли распрямить свои крылья, чтоб только лапки их оставались свободны.

А повозочка у него давно была приготовлена — такая узенькая повозка из тончайшей пленки, вылепленной из пластилина, и с двумя пуговками, служившими колесами.

Ему не терпелось поскорее испытать, не сказка ли, не выдумка ли все то, что он затевал, и вот он осторожно пустил тройку запряженных кузнечиков по коричневому скользкому полу, а сам склонился над ними, стоя на четвереньках.

И лишенные возможности распустить свои крылья, отягощенные грузом повозки кузнечики рывками потащили, потащили пластилиновую карету!

Авера в изумлении хлопнул в ладоши, быстро спрятал упряжку в новый коробок, а старый, ветхий раскрыл у окна и выпустил всех остальных пленников.

— Ты чего кидаешься спичечным коробком? — насмешливо сказал старший брат Санька, проходивший в это время под окном. — Это же тебе не кирпич.

Саньке он до поры до времени не раскрывал тайны, не говорил об упряжке кузнечиков, а просто, льстя его самолюбию, принялся восхищаться, какой он молодец, Санька, что тренируется каждый день и что отцу будет нелегко выиграть на бегах у него, у Саньки.

— Ну что отец, — махнул рукою Санька. — У него одни партизанские заскоки: выехать на качалке в город, остановиться у клуба... И все думают, что он лучший наездник. А постоянные тренировки ему лень проводить. Да и некогда, некогда, я понимаю!

— На нем же весь совхоз, не только конезавод, — напомнил Авера. — Вон как он извелся — все на сенокосе, на сенокосе...

— Так что не это главное для меня состязание, попомни, — продолжал Санька. — Я, может, гляжу дальше. Я, может, хочу стать чемпионом республики. И стану, попомни! Хотя не это главная моя цель в жизни. Надо быть чемпионом во всем! Понимаешь? Надо многое начинать и всюду быть чемпионом.

С завистью и с прежним постоянным

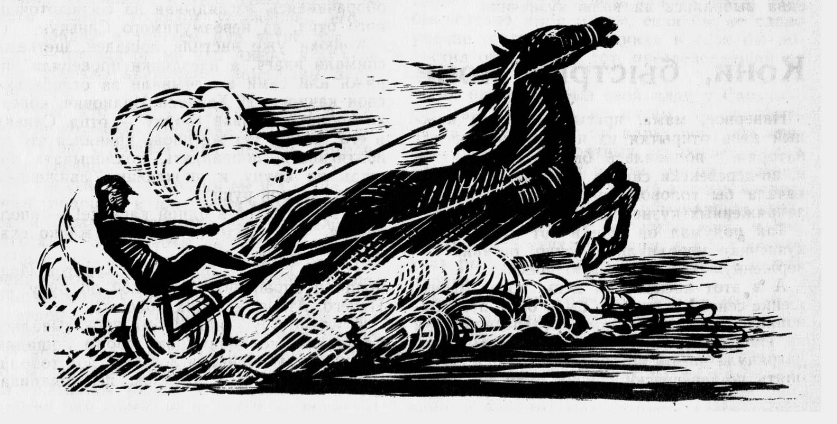

Рис. Е. Скрынникова

* Окончание. Начало см. в № 8.

восхищением наблюдал Авера за старшим братом, высчитывал, сколько лет еще пройдет, пока он станет таким большим, как Санька, и сможет тоже сесть в качалку, дернуть поводья — эй, посторонитесь!

Не раскрывал он до поры до времени тайны, ожидал возвращения отца, а когда отец в полдень осадил свою лошадь у окон и зашел, весь пропахший травами, в белой, ослепительной рубахе, от которой исходило тепло, Авера громко возвестил:

— Ну начали! Необыкновенный номер— тройка запряженных кузнечиков!

И тут же распахнул спичечный коробок и опустил на пол запряженных кузнечиков с их повозкой.

— Эге, знакомая сказочка! — усмехнулся отец и раздвинул оконные портьеры, чтобы лучше видеть на свету игрушечную тройку.

Кузнечики стали вспрыгивать, тянуть повозку в разные стороны, повозка тут же опрокинулась, а один из кузнечиков, коренник, непонятным образом распростер свои крылья и дал стрекача в открытое окно, унося пристяжных невольников. И лишь повозка осталась на полу как опрокинутый экипаж.

Авера рванулся было к окну, да отец поймал его руками:

— Ну что? Пускай. Будет у тебя со временем настоящая тройка.

— Дали деру — и правильно! — порадовался и старший брат. — Вздумал запрягать каких-то блох.

И видел Авера: отец и Санька довольны тем, что упорхнула за окно тройка кузнечиков. Он думал, что они порадуются его выдумке, его затее, а они были довольны, что разлетелись голенастые кузнечики. Да и сам он, честное слово, был очень рад неудаче своей, неосуществленной сказке и поражался, почему он сам словно бы вздохнул свободнее, словно выбрался на волю, едва выбрались на волю кузнечики.

Кони, быстрые кони

Наверное, мама, присылавшая им каждый день открытки из прибалтийского санатория, подивилась бы Авериной затее и, по-деревенски сцепив руки на поясе, покачала бы головой, наблюдая за тройкой запряженных кузнечиков.

Так подумал он еще в тот день, когда кузнечики упорхнули за окно, оставив поверженную пластилиновую повозку.

А в этот воскресный день, когда завершение сенокоса должно было быть отпраздновано бегами, заездами, столпотворением на ипподроме, Авере хотелось, чтобы мать нагрянула домой до срока и стояла в толпе, опять по-деревенски сцепив руки на поясе и не зная, кому желать победы: Авериному ли бате, Авериному ли брату. Ведь не отказался отец от своего намерения состязаться в одном заезде с заносчивым Санькой!

Как жаль, что мать не вернется до срока, будет бродить по прибрежным дюнам и ничего не знать там, в своей лечебнице! И Авера даже сокрушенно вздохнул.

Отец же, сосредоточенно отхлебывавший из чашки ароматный черный кофе, взглянул на него и чистосердечно попросил:

— Перестань изводить себя, Аверкий Иванович. Понимаю: нет мамы, ушел Связист...

— Разлетелись кузнечики, — подхватил Санька, тоже подкреплявшийся черным бодрящим напитком.

— А только будь мужчиной, Аверкий Иванович, — серчая на старшего Саньку и не удостаивая того даже взглядом, продолжал отец. — Ведь я тебя возьму в свою качалку.

— Это как же? — приподнялся Авера.

— А так. Вон тем широким ремнем пристегнемся друг к дружке — и только держись! Никто не будет перечить: это же не соревнования, а праздник. И так нам хочется!

— Двое на одного? — лукаво прищурил Санька карие глаза. — Смелее, братцы!

Удивительно, как сумел отец разгадать тоску его последних дней и придумать такое, что вмиг отступила эта тоска и позабылось в добрую минуту все тягостное: и длинные дни без мамы, как будто дни сиротства, и исчезновение Связиста, и неудачная затея выдрессировать кузнечиков... Сейчас начнутся бега, сейчас два наездника будут в одной качалке!

Он тут же разыскал широкий отцовский ремень, подаренный некогда отцу армейским кавалеристом, и побежал впереди, оборачиваясь, взглядывая на сосредоточенного отца, на невозмутимого Саньку.

Конюхи уже чистили лошадей, щетками снимали влагу, а наездники проверяли упряжь или сами выкатывали за оглобельки свои качалки. И Харитон Иванович, коротко поприветствовав троицу — отца, Саньку и его, Аверу, тут же вновь принялся что-то подтягивать, поправлять, похлопывать лошадь по крупу и чиркающим движением потирать свои руки.

— Мы с батей в одной качалке! — вполголоса, чтоб никто не слышал, жарко сказал ему Авера.

— Вон как? — поразился Харитон Иванович и вновь чиркнул рукой об руку. — Ничего, Атлас, и двоих понесет!

А уж по кругу ипподрома прокатывались наездники, не давая пока своим лошадям воли, и останавливали лошадей под тополями, соскакивали с качалок, переговаривались нарочито веселыми голосами. Каждый хотел словно сказать, что это никакие не состязания, а так, забава, праздник по случаю завершения сенокоса, и все же чувствовалось, что каждому, кто уже заранее выбрал себе соперника, хотелось опередить его, снискать славу среди собравшихся на ипподроме зрителей.

Когда они с отцом, скрепленные тугим ремнем, выехали на проминку, все загалдели, стали восклицать, посмеиваться. Отец же преспокойно погнал Атласа по кругу, и Авера знал, что отца никак не волнует сейчас это повышенное любопытство зрителей, а волнует и занимает лишь одно: как бы удачнее, быстрее промчаться по кругу, когда будет дан старт. И Авера тоже решил не посматривать по сторонам, не прислушиваться ни к насмешкам, ни к одобрительным возгласам. Вот так прочно, влито сидеть на коленях отца, ощущать его напрягшееся тело и помогать в нужный момент, слегка подаваться вперед, чтобы не быть бременем. И вся задача!

Уже открыла заезд первая пара наездников, уже все обратили лица к полю ипподрома, а отец с Аверой все сидели в одной качалке недвижно, и отец придерживал на месте Атласа, голосом успокаивал его.

— Пойдем в третьем или четвертом заезде, — сказал он на ухо Авере, и от усов отца повеяло знакомым, домашним запахом кофе.

И тем, кто был у стартовой черты, кто ударом колокола открывал заезд, отец подал рукою условный знак: дескать, погодите, не сейчас.

— Не сейчас, — бросил он и Саньке, который подошел к ним небрежной походочкой и пожаловался, что ему надоело томиться. — Один заезд, другой... И мы!

Наверное, уж очень волновался отец, уж очень сдерживал свое предстартовое беспокойство, потому что, едва под свист и крики закончила дистанцию первая пара, как он подал знак судьям: дайте нам дорогу!

И вот оказались на старте трое родных людей, которые сейчас были соперниками, вот оказались рядом две качалки. Атлас, дорогой мой конек, не подведи, не подведи!

Ударил колокол — и толкнуло Аверу, прижало к отцу, и захлестал по щекам рожденный движением ветер, и замелькали по сторонам, сбоку неразличимые фигуры зрителей, слившиеся в пеструю, красочную изгородь.

Очень умело вывел отец своего Атласа к бровке, вышел вперед, и Авера вмиг смекнул, что это уже половина удачи, что теперь Саньке, брату Саньке, нелегко обойти их. Неси, дорогой мой Атлас, неси, неси!

Как ни косил Авера глаз — не видел Санькиного коня, лишь слышал позади, совсем рядом, за спиною, топот копыт чужого коня. И как ни приспешивал отец своего Атласа, как ни гнал его нещадно по кругу, не отступал и этот шаркающий, быстрый, злой топот чужого коня.

Круг они так и пронеслись: впереди отец с Аверой, за ними — Санька. И когда заканчивали этот круг, сгрудившиеся, неразличимые, ставшие незнакомыми люди поддавали им азарта криками, взмахами рук и зажатых в руках кепок.

Неси, Атлас, неси, неси!

Ах, если бы хватило духу у Атласа и второй круг не уступить чужому коню, если бы повезло им с отцом, если бы не сдало умение опытного наездника и если бы допустил оплошность тот, преследовавший их наездник!

Но, наверное, был свой план у Саньки— вот так следовать по пятам, не отставать ни на колесо, а потом вдруг понудить своего коня из невероятных, из последних сил напрячься и пойти рядом, рядом, а затем и вырваться на лошадиный корпус вперед.

Все это Авера видел с обмиравшим сердцем: и как поравнялся чужой конь, и как мчались две качалки рядом, и как Санькин конь рывком вдруг ушел вперед на целый корпус.

Авера сидел крючком, потому что отец грудью навалился на него, и боялся более всего, что вот мешает отцу сделать какое-то резкое движение и одним махом достать Санькиного коня. Но как ни молил он Атласа собрать последние силы, как ни проклинал чужого, мелькавшего впереди ко-

ня — все оставалось уже неизменным: Санька опережал их, Санька все наращивал скорость.

Так они и закончили второй круг, так они проходили и третий круг, и уже вовсе не было никакой надежды опередить одинокого наездника, потому что его качалка все дальше уходила, все увеличивала разрыв.

И самым обидным, что потом Авера называл даже подлостью со стороны брата, было то, что уже на финише Санька обернулся, привстав на выпрямленных ногах, и усмехнулся им с отцом, и даже свободной рукою поманил: дескать, быстрее, братцы!

Никто, конечно, не одобрил Санькиной выходки, никто не посмеялся даже. Наоборот. Как только сошли они с отцом с качалки, как только утерся отец большим белым платком, точно выбросил из кармана белый флажок поражения, обступили их наездники и конюхи, сочувствовать принялись, поговаривать: «Атлас мировой конь, только жаль, Иван Харитонович, что не держали Атласа в конюшне, все на лугу, на лугу».

— Он бы отдохнул в деннике — и никакому другому коню не догнать Атласа, — авторитетно произнес кто-то из них.

Отца же — видел Авера — очень злило их сочувствие, их справедливые суждения, и он, раскрасневшийся, все утирал да утирал белым, уже измятым и влажным платочком лицо, лоб, шею.

— Чистая случайность, — сердито заметил отцу и Харитон Иванович, еще не взмокший, свежий, лишь готовящийся к забегу, и окликнул зычно: — Санька, где ты?

— Здесь я, — лениво ответил ветеринару Санька. — Чистая случайность, Харитон Иванович, я с вами согласен. Просто фортуна, удача...

— А ежели так — давай со мной померимся! — с вызовом уставился на него ветеринар черными недружелюбными глазами. — Не сейчас, а в самом конце. Нехай конь отдохнет — и померимся. — И он даже чиркнул ладонью о ладонь, как бы предчувствуя борьбу на кругу, бешеный бег, злое, неуступчивое состязание.

— Я вас обставлю в следующий раз, — почти клятвенно пообещал Санька, вновь усаживаясь на сиденье качалки. — А сегодня не стану мучить коня. Вы же сами, как врач, понимаете: нельзя губить коня.

И то, что этот самоуверенный Санька, только сейчас вырвавший победу в заезде, уже так спокойно, обдуманно, иронично отвечал ветеринару, обещая выиграть у него как-нибудь в следующий раз, еще более рассердило ветеринара: тот, резко чиркнув ладонью о ладонь, за уздцы потащил свою лошадь на круг ипподрома.

На отца же Авера стыдился глянуть даже, не знал сам, куда ему деваться, и впервые утешился тем, что до срока не вернулась из лечебницы пропахшая ветрами Прибалтики мама и что не видела она этого срама.

Хотя, если рассудить, все равно кто-то из очень близких ей людей должен был проиграть.

Так хотел сам отец, так он и настоял, так все и случилось: в один и тот же дом пришли победа и поражение.

Грустная песенка

А в доме этом, куда одновременно пришли победа и поражение, жили по своим законам дружбы, и если кому-нибудь не везло, другие старались вернуть ему мужество добрым словом, улыбкою, рукопожатием: не робей, старик, все пройдет, и не такое бывало с нами в партизанах!

Вернуть человеку мужество — это значит порою промолчать, не выдать своего сочувствия, уйти и не мозолить глаза.

Авера так и поступил: мимо конюшен, по шляху, обсаженному с обеих сторон тополями и вербами, незаметно, тихонько удалился он прочь, чтоб не попадаться отцу на глаза, чтоб не прятал отец свои глаза!

И, оглядывая просторный, уставленный свежими, июньскими стогами луг, он подумал о матери, о том, как сумела бы мама вернуть мужество отцу привычными словами: «И не такое бывало с нами в партизанах!» Сколько раз он слышал эти слова, звучавшие всегда с каким-то новым значением, и вот теперь не произнесенные, но все равно звучавшие непрестанно слова обещали ему разгадку каких-то неизвестных ранее грозных событий, происходивших с отцом когда-то на войне, в партизанах.

«И не такое бывало с нами в партизанах!»

Очень удобно устроился он в стогу дурманящего своим свежим запахом сена, сидел, привалившись спиною к нему и ощущая затылком колючие, усохшие былинки, и думал о последних днях, обо всем: и о Связисте, и о разлетевшихся кузнечиках, и об этом злополучном заезде. И оказывались неудачными все последние дни. И получалось так, что самого его, Аверу, надо было успокаивать, утешать, не позволять ему киснуть.

Он вдохнул, смежил глаза, попытался уснуть и увидеть какой-нибудь безобидный сон — допустим, кузнечиков, запряженных тройкою, и как они покорно влачат пластилиновую повозку, эти дрессированные кузнечики, как делают положенные остановки в пути и вновь трогают с места экипаж...

Может быть, и приснилось бы ему задуманное, если бы вдруг не послышались знакомые голоса, не послышался топот бегущих коней. Он открыл глаза, увидел приближающихся в своих качалках отца и Харитона Ивановича и замер, полагая оставаться незамеченным. Пусть пронесутся мимо, пусть не придется отцу прятать глаза!

Наездники же не заметили его и потому остановили коней у стога, где был Аверин скрад, спрыгнули на землю, сошлись и приблизились к стогу.

Тут уж неудобно было скрываться — Авера поднялся на ноги.

— Ба! — удивленно воскликнул отец, не ожидавший, конечно, такой встречи. — А мы с Харитоном Ивановичем объезжаем, смотрим луга... Прекрасное сено, Аверкий Иванович!

И отец обратил лицо к лугу, стал смущенно говорить все о том же сене, распрекрасном сене, а Авера проклинал себя за то, что не мог спрятаться где-нибудь подальше от дороги, в глубине луга.

Потом они с отцом встретились настороженным взглядом, и Авере померещилось, будто каждый из них мысленно все еще там находится, на кругу ипподрома, и что каждому из них до сих пор не верится в поражение.

«Послушай, и не такое ведь бывало в партизанах», — попытался Авера ободрить отца взглядом.

«Много ты понимаешь!» — взглядом же ответил отец, метнулся к своей качалке, ударил поводьями по крупу коня, взял с места крупной, машистой рысью.

Авера удрученно смотрел вслед, и в глаза, казалось, летела пыль, пыль. Хотя никакой пыли не могло подняться над мягкой, травянистой луговой стежкой.

Харитон Иванович повозился со своей качалкой, для блезиру постучал сапогом по узким шинам высоких колес качалки, чиркнул ладонью о ладонь и открыто посмотрел на Аверу. И понял, должно быть, что и ему, Авере, необходимо слово мужского участия.

— Не пускай нюни, Аверкий Иванович, — требовательно сказал он. — Все мне понятно: тут и Связист, и эта сказочка про кузнечиков, и проигрыш на бегах. А только пора и тебе понять, что сказочки для тебя кончились. Кончились, Аверкий Иванович. Ушел Связист — и не жди Связиста. Всему свой срок. И кузнечики никогда не станут ходить в упряжке. Потому что не нужна им неволя. И батька твой, Иван Харитонович, никогда не выиграет у Саньки. Потому что Санька моложе, Санька тренируется, у Саньки особое умение. Конец сказкам, Аверкий Иванович. А жизнь — она строгая, она складывается по-своему. Вот какая грустная песенка, Аверкий Иванович.

«Да, — в печали своей соглашался с ним Авера. — Не увидеть мне больше Связиста, не увидеть кузнечиков в упряжке. И батя никогда не выиграет у Саньки...»

— А думаешь, нам, усатым людям, нам, немолодым людям, не хочется сказок? — усмехнулся Харитон Иванович. — Помнишь, на ночлеге батька твой мечтал вернуться в детство, в партизаны? Дудки. Никогда не бывать нам пацанами, никогда, Аверкий Иванович. Такая штука жизнь!

«Да, — подхватил его мысли Авера, — не только не вернутся в партизаны усатые мечтатели, а даже Связиста никогда больше не увидят как своих ушей. И на соревнованиях бате лучше всего не выходить вместе с Санькой. И кузнечики... Кузнечики — это же выдумка! Ну какая такая упряжка для них? Да и мама что-то не приезжает из той Прибалтики. Совсем грустная песенка, верно говорит этот цыган».

— А что же остается? — вырвалось невольно у него.

— Остается жить, Аверкий Иванович, — быстро отозвался ветеринар.

Авера удивленно оглянулся, словно потрясенный простым, совсем простым ответом.

Остается жить? Ну да, остается жить.

Остается жить — это значит остается подрастать, остается переправляться через Днепр на пароме, идти по скошенному лугу и петь другую, веселую песню, потом забираться на стог сена и соскальзывать оттуда, с верхотуры, вниз, потом возвращаться на конезавод и кормить лошадей с ладони, мечтая о том времени, когда он, Авера, сам сядет в качалку и померится силами с удачливым Санькою.

Остается жить, остается жить!

И это уже совсем другая, совсем веселая песня!

Стоит раз только выйти на фотоохоту, как незабвенная страсть эта накрепко войдет в сердце. И потому, что каждая встреча с природой одарит непременно красотой, сделает чище и добрее, и потому еще, что выполненные удачные снимки заставят задуматься, добавят в копилку опыта много интересного, незнаемого. Лилии — саранки, например, фотопортрет которых сделал А. Хлергий из Братска.

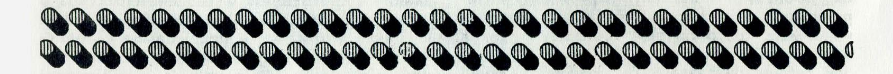
В сибирской тайге и на Дальнем Востоке их лиловые бутоны нередко встретишь летом. Попадутся иногда и целые куртинки этих веселых цветов. Долго растет саранка, пока не выбросит из крохотной желтой луковицы длинный стебель. Сама луковица съедобна — недаром же длиннохвостые суслики раскапывают подчас землю в поисках любимого лакомства. Саранка не исключение среди лилейных. В Японии давно уже разводят обширные плантации золотистых лилий ауратомов. Не ради красивых цветов, а из-за вкусных луковиц, которые по праву считаются деликатесом.

Не правда ли, много познавательного поведает удачный кадр фотоохотника.

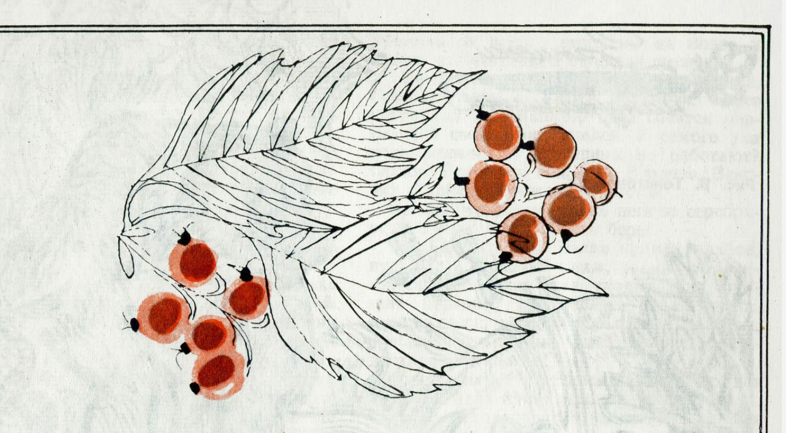
А Таня Никулина из Запорожья прислала вместе с фотоснимком забавный рассказ о своих питомцах. У нее их двое — кошка Пушинка и хомячок Машка. Самое интересное, что Машка первое время держала Пушинку в страхе. Но потом они подружились. Когда Машка бегает по квартире, Пушинка всюду ее преследует, но не трогает. Правда, Машка хитрая — откликается только на голос хозяйки. Где бы ни находился хомячок, стоит Таниной маме позвать его, как тут же является он на зов. Пушинка тоже сметливое животное. Ребята научили кошку махать хвостом «по заказу». Когда соберутся гости, начинается маленькое представление. «Пушиночка, помаши хвостиком!» — просят зрители. И кошка тут же исполняет их просьбу. Так и живут в трогательной дружбе Танины питомцы.

Фото Сергея Шарыгина

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА ПОЛУЧАЕТ ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО ПИСЕМ С ПРОСЬБОЙ ВЫСЛАТЬ СЕМЕНА ПОМИДОРОВ, РАЗЛИЧНЫХ ЦВЕТОВ, ДЕКОРАТИВНЫХ КУСТАРНИКОВ, А ТАКЖЕ АДРЕСА АВТОРОВ. СООБЩАЕМ, ЧТО НИ РЕДАКЦИЯ, НИ АВТОРЫ ПУБЛИКУЕМЫХ ЗАМЕТОК СЕМЕНАМИ И САЖЕНЦАМИ НЕ РАСПОЛАГАЮТ.

Дорогие участники Всесоюзного конкурса по сбору грибов, ягод и других дикорастущих хозяйственно ценных и лекарственных растений! Хотя близко уже время подведения итогов, лесная страда еще не закончена: много грибов — белых, рыжиков, подберезовиков в березняках и ельниках, немало еще подосиновиков, маслят, опят, груздей, волнушек, рядовок подарит лес.

Собирают сейчас и целебные растения: плоды боярышника кроваво-красного, бузины черной, жостера слабительного, можжевельника обыкновенного, шиповника коричного; продолжается сбор рожек спорыньи и спор ликоподия (плауна булавовидногс). Заготавливают также кукурузные рыльца, корневища валерианы лекарственной, девясила высокого, дягиля аптечного, корни одуванчика аптечного, алтея лекарственного.

Какие именно целебные растения собирают в вашем районе в сентябре и в октябре, можно узнать у работников заготовительных организаций Потребкооперации. Поддерживайте с ними постоянную связь! Не забудьте, что много еще грибов и целебных растений ждет вас в лесу, на лугах, в поле.

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ
ЦЕНТРОСОЮЗА

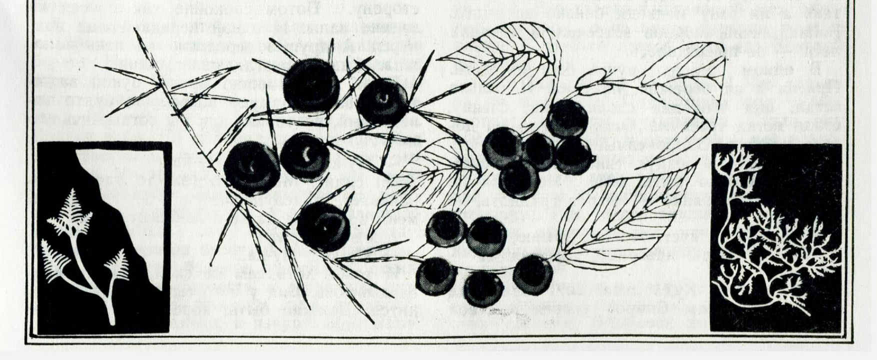

Рис. В. Толстоногова

ЗНАКОМСТВО

Случилось это несколько лет назад, на Урале. Как-то раз, в сентябре, шел я на лесосеку. Лес стоял тихий, чуть тронутый первым осенним золотом. Хорошо было идти, думать. Думал я, конечно, о разном, все больше о делах, но, между прочим, — это уж мне после вспомнилось — подумал и о том, что вот, мол, сколько в лесу работаю, а ни разу медведя близко не видел. Волка, лисиц, кабанов встречал, а хозяина леса — не приходилось.

В одном месте ручей был на пути. Присел я на бережок, покурил. И только встал, шаг или два сделал, как, слышу, сзади ветка треснула. Оглянулся — на дороге медведь! Здоровенный! Морда опущена, шумно так воздух тянет, следы обнюхивает, должно быть, мои. Но меня не видит, а расстояние — метров тридцать, не больше.

Я быстро за куст. Может, думаю, не заметит. Но зверь, наверное, услыхал. И — ко мне.

Что делать? Куда деваться? Возле был пень, я за пень. Спиной уперся в ствол какого-то деревца и стою. Чувствую, двигаться не могу, обмяк весь как-то.

Медведь в момент оказался рядом! Потом, восстанавливая в памяти, как что было, я удивлялся, что он так быстро бегает. Но в те жуткие мгновения, когда он приближался, я, правду говоря, мало что соображал. И, увидев его уже совсем рядом, у самого пня, вдруг, себя не помня, заорал на весь лес.

Медведь остановился, повел ухом в мою сторону. Потом спокойно так присел на задние лапы. И одной передней еще подперся. А другую переднюю на пень положил. Сидит, разглядывает меня.

Я от него, смешно право, рукой защитился, вытянул руку вперед и, будто заведенный, повторяю, как бы остановить его хочу:

— Ну-ка... Ну-ка... Ну-ка...

Он сидит. Морду то так, то эдак поворачивает, прислушивается. И глядит на меня вроде бы даже с любопытством.

А я все твержу:

— Ну-ка... Ну-ка...

И тоже, хоть сам не свой, к нему приглядываюсь. Вид у него сытый, шкура лоснится. Должно быть, хорошо за лето откормился. Да и взгляд такой, как бы это сказать, добродушный, что ли.

Понемножку соображать начинаю. Похоже, есть он меня не собирается, по крайней мере, в данный момент. Но как же быть дальше?

Стараюсь припомнить, что слышал когда-либо о медведях, как поступали в подобных случаях бывалые люди. Но ничего подходящего, конечно, вспомнить не могу. В уме, совсем не кстати, вертится: «Старик и ахнуть не успел, как на него медведь насел...»

С собой у меня даже ножа нет. Только табак в кармане, с махоркой смешанный. Можно бы в крайнем случае в глаза ему швырнуть, но мне тогда это и в голову не пришло.

А медведь все глядит и глядит. Может, думаю, тоже человека близко не видел, обрадовался случаю свести знакомство покороче.

И тут меня осенило: зажгу-ка я огонь. Звери огня не любят — он и уберется.

Наклонился осторожно, сорвал сухой травы, чиркнул спичкой. Медведь носом повел, фыркнул, дернулся. Не понравилось ему. Нет, думаю, еще, пожалуй, разозлится. Поскорей загасил.

Зверь успокоился, вновь уставился на меня. Потом потихоньку, боком-боком, не сводя с меня глаз, стал отходить. Перешел дорогу — и в лес.

А я на траву без сил свалился. Лежу, прислушиваюсь, боюсь поверить, что все обошлось.

Так вот мы и познакомились.

В. Разин

БОРЬКА

Как-то раз довелось мне делать рейс на буксире, в составе экспедиции. Мы плавдок перегоняли с Черного моря на Дальний Восток.

К концу шел второй месяц плавания, а караван все плелся вдоль африканского берега. Ни встречного судна, ни земли на горизонте. Под ногами клочок палубы: шагов двадцать в длину, с десяток в ширину, а дальше ходить нельзя — вода. Вода и небо. Да еще палящее солнце. Под его отвесными лучами океан казался вымершим. Ни всплеска, ни ряби на его гладкой поверхности. Иногда выпорхнет летучая рыбка. Сверкнут на солнце плавники-крылья. Рыбка с лету плюхнется в воду, подняв фейерверк брызг, и снова пусто.

На прогретом буксире поселилась скука. Уже все успело надоесть: и черепашья скорость неуклюжей громады дока, и однообразие судовой жизни, и изнуряющая жара. Убежать от всего этого мы не могли и только с нетерпением ожидали стоянку.

...Разбудила меня непривычная тишина. Открыл глаза. В каюте полумрак. Через крохотный иллюминатор едва сочится мерцающий свет. Прислушался. У самого уха вода хлюпает. А машины не работают? Стоим? Рановато, пожалуй. Впрочем. Вскочил с койки, побежал на мостик.

По левому борту сквозь легкую серебристую дымку проглядывал берег.

Ба! Где это мы? Белая кромка прибоя, пустынный песчаный пляж, холмы, а за ними, сколько видит глаз, уходящие за горизонт барханы. Ни деревца, ни кустика, только песок, песок, прокаленный солнцем, провеянный ветрами. Однообразная, безрадостная картина.

Расстроенный, спустился в каюту. Только думал за дела приняться, как, слышу, зовут. Схватил фотоаппарат и на палубу... А там веселье. Хохот стоит.

Метрах в пяти от судна в воде барахталось несколько морских львов. Я встречал этих животных и раньше у мыса Доброй Надежды, но так близко видел впервые.

Львы высовывали украшенные мохнатыми усищами морды, фыркали, отряхивались. Брызги сверкающим жемчугом разлетались в разные стороны. Смотрели на нас огромными, полными любопытства глазами. То, лежа на спине, умывались, уморительно сложив передние ласты. Прихорашивались, разглаживая лоснящуюся шерсть. Движения их, чем-то напоминающие кошачьи, были настолько неторопливы и комичны, что невольно вызывали смех. Окончив туалет, львы хлопали себя по брюху, словно давая понять, что оно пустое.

Через некоторое время животные осмелели и подплыли совсем близко. Одна из львиц даже детеныша привела с собой. Смешной такой карапуз, с метр ростом. Все возле мамы вертелся, заигрывал. Но особенно отличался огромный самец. Стар он был. Его светло-каштановый мех отливал серебром, а из пасти торчали желтые клыки. С чьей-то легкой руки его Борькой прозвали.

Ну и Борька! Ай да Борька! Что только он не вытворял. Подныривал под судно, вертелся волчком, кувыркался. Стали ему рыбу бросать. Ох и ловко он с ней разделывался! Выпрыгнет из воды до половины, подхватит на лету рыбину, тряхнет головой, фыркнет от удовольствия и отплывет в сторонку. Там, перевернувшись на спину, ластами зажмет и ест урча. Или начнет подбрасывать носом, словно мячик. Потеха, да и только!

Танкер пришел на вторые сутки. Работы сразу столько навалилось, что о морских львах забыли. Вдобавок ко всему погода

испортилась. С утра туман упал, днем пасмурно было, моросило. К вечеру отягченные влагой тучи опустились так низко, что цеплялись за мачты. Ветер засвистел в снастях. Со стороны океана пошла крутая зыбь. Высота волны до пяти метров доходила. Буксир запрыгал, валясь с борта на борт.

Окончив бункеровку, рано утром караван двинулся дальше. Путь предстоял нелегкий.

Океан взбесился. Он плевался клочьями белой пены, ревел, шипел, обрушивал на буксир рокочущие валы.

После обеда я поднялся в ходовую рубку. Качало здесь здорово, но свежего воздуха было хоть отбавляй. Дыши сколько хочешь. Стою, разговариваю с вахтенным штурманом. В открытую дверь заглядывает одинокий альбатрос, парящий на уровне мостика. Мы невольно залюбовались гордой птицей.

Вдруг мое внимание привлекло что-то темное, мелькнувшее в воде. Борька?! Я стал всматриваться, но ничего, кроме пенящихся волн, не увидел. Показалось, что ли? Придет же в голову такое. Погода-то какая. Снова что-то мелькнуло. На этот раз заметил не я один. Все, кто был в рубке, выбежали на крыло мостика. Через минуту сомнений как не бывало. Рядом с бортом, на гребне вала, показался Борька!

В клочьях пены, могучей грудью рассекая волны, то скрываясь, то вновь выныривая, зверь резво плыл за буксиром. Подумать только! В такой шторм нашел нас в океане. Вот молодчина!

Кто-то из ребят помчался на камбуз. Вернулся оттуда с куском мяса. Гостинец полетел за борт. Борька подплыл, схватил его, торопливо проглотил и ринулся вперед, к доку. Мы замерли.

Под корму дока даже в штилевую погоду опасно попадать, а сейчас там творилось что-то невообразимое. Док кренился. С уханьем и стоном на его палубу врывались многотонные громады волн. Обессилев, откатывались назад, низвергаясь в океан грохочущими водопадами. Вода клокотала, кружилась в водоворотах, бурлила и пенилась. В этот ад и занесло бедного Борьку.

Подхватило могучего зверя, завертело, скомкало. Он метался, ревел, а вырваться не мог. Вот-вот под корму затянет. Захлебнется, погибнет зверь.

Борька скрылся под водой. «Конец!» — промелькнула мысль. Но в это время, словно торпеда, вылетело могучее тело и, описав дугу, шлепнулось метрах в пяти от дока. По мостику прокатился вздох облегчения. Ура! А зверь во все лопатки улепетывал от страшного места.

А. Гаваньков

НА ДРЕВНИХ ТЕРРАСАХ ВАТЕРЛОО

У острова Кинг-Джордж, или, как его еще называют, Ватерлоо, превосходный «аванзал» — широкая бухта, на поверхности которой обычно пляшут десятки небольших птиц петрелл.

В январе 1968 года «Обь» впервые вспугнула петрелл и бросила якорь в бухте Ардли. С тех пор действует здесь советская антарктическая станция «Беллинсгаузен».

Неоспоримые достоинства острова были известны ученым, но его подлинный характер в полной мере пришлось оценить только полярникам. Круглый год, а зимой и весной особенно, дуют здесь бешеные ветры, изводят мокрый снег, изморось, туманы.

От кромки острова, словно распахнутые для объятий руки, уходят в глубину холмы — большие и маленькие, пологие и отвесные. Между ними — ложбина, расстелившаяся до западного берега, к проливу Дрейка, где смешиваются воды двух океанов, Атлантического и Тихого, и в который с противоположной стороны смотрится Огненная Земля.

Территория станции — два-три квадратных километра пляжа с мелкой шуршащей галькой.

Вторая граница станции — большое озеро с прозрачной студеной водой, дающее начало гремящей мелкой Рио-Гранде, как с легкой руки какого-то шутника стали называть эту не то речку, не то ручей.

В самом широком месте Рио-Гранде, достигающем от силы четырех метров, стоит бесхитростная, но очень надежная запруда из каменных глыб, образующая водохранилище для забора воды.

Ватерлоо богатейший, по антарктическим понятиям, уголок, радующий зимовщиков мхами, лишайниками, а иногда даже кустиками трав. Необычайно красив здесь мох — зеленый, салатовый, палевый, черный, — накрепко приросший к камням. Поэтому полярники часто собирают камни с кустиками мха, который в комнате быстро засыхает, но сохраняет тем не менее свой первозданный хрустальный блеск.

В отлив обнаженный берег преображается, белые куски льда, ярко-синие, красные, фиолетовые водоросли, отбеленные кости китов, желтый янтарь китовых усов, чем не живописная картина! Тут же бродят пингвины, «просыпают» жизнь тюлени Уэделла, мельтешат бакланы, качурки, петреллы.

На восточном берегу среди отвесных утесов раскинулась огромная колония ослиных пингвинов, захвативших все господствующие высоты. Неуклюжие на берегу, передвигающиеся по земле в отличие от аделек не аллюром, а галопом, ослиные пингвины в воде преображаются и носятся как маленькие торпеды.

Однажды на территории станции объявился императорский пингвин. Это было очень неожиданно. Пингвины — туристы, но отнюдь не путешественники: они не умеют летать и по суше передвигаются медленно. Появление «императора» было расценено полярниками как сенсация, потому что на таком далеком расстоянии от морского побережья этот пингвин появляется редко.

На острых труднодоступных вершинах небольшими колониями в десять-двенадцать гнезд живут черно-белые альбатросы. Вблизи на земле они не имеют царственного вида покорителей морей: сидит большая, как гусь, птица да шипит.

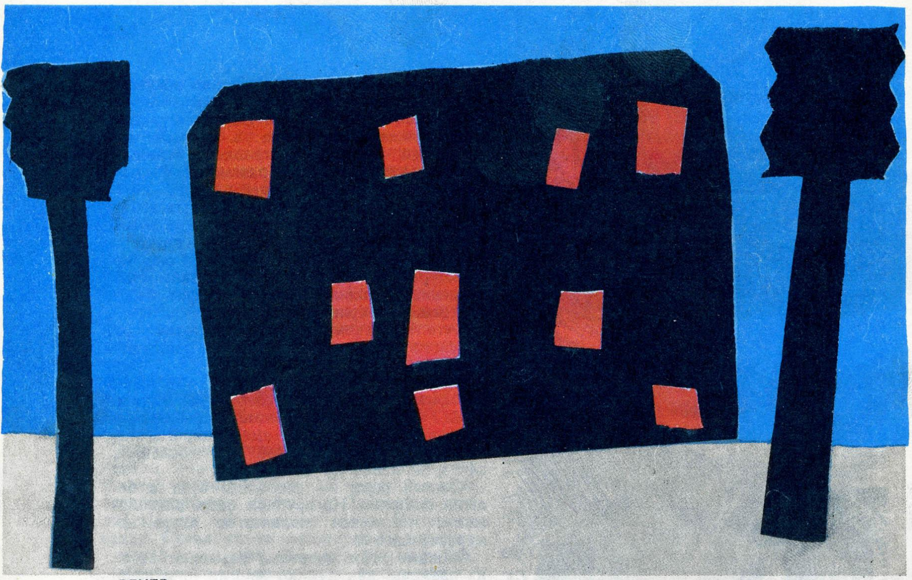
Южный берег — несколько бухт с белыми пляжами. На крупном песке расположилось огромное количество «гаремов» морских слонов.

Слонами этих животных называют не за их размеры, как думают многие (они лишь немногим больше моржа), а за то, что во время брачного сезона у них на носу образуется крупный нарост, похожий на хобот. Когда морской слон сердится, кричит, пытается напасть на человека, досаждающего ему фотоаппаратом, он открывает огромную пасть с острыми клыками, размахивает головой, надувает хобот и выглядит очень устрашающе. Появляются морские слоны здесь обычно весной.

Полная противоположность им — постоянные жители острова тюлени Уэделла. Это игрушечные малыши с серой плюшевой шкуркой и умными глазами. Самки лежат стадами. Возле каждой группы обязательно несколько «сестер милосердия» — тюлених постарше и поопытнее. Когда человек хоть чем-то проявляет свою агрессивность в отношении молодых матерей, старая опекунша бросается вперед и добрую сотню метров гонит чужака, пока не убедится, что он уже не представляет опасности. Но как только дети начинают самостоятельно плавать, заботливые опекунши и мамаши заметно теряют интерес к ним, и тюленята растут самостоятельно.

Иногда погода на станции как на заказ. Появившееся солнце разливает тепло. На горах сверкает зелень, а в бухте голубеет вода, казавшаяся до этого свинцово-серой. Тихонько позванивает она ледяными кристалликами, наигрывая прощальную мелодию расставания с этим островом.

Ю. Егоров

«ВЕЧЕР»

Алеша Белолипецкий
Москва

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. ВИНОГРАДОВ

Редколлегия: Григорьев В. В., Корчагина В. А., Клумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук, профессор Н. А. Гладков.

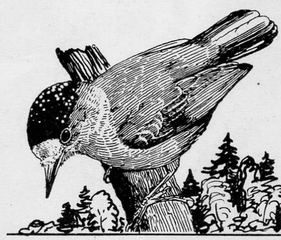
Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор Н. Ф. Михайловская

Рукописи и фото не возвращаются.

Сдано в набор 5/VII 1973 г. Подп. к печ. 6/VIII 1973 г. А00487. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 555 000 экз. Заказ 1319. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сущевская, 21.

РОДИНА

Милее нет родного края,
Дороже нет родной Отчизны.
Люблю тебя, моя родная,
Люблю тебя я больше жизни.
Твои леса, равнины, горы
Близки для каждого из нас.
Люблю морские я просторы,
Что не охватит сразу глаз.
Люблю родной реки журчанье,
Которой в мире нет милей,
Люблю свои воспоминанья
О милой Родине моей.

Надя Парада
г. Одесса

КОНЦЕРТ

Земляникой да ландышем
Пахнет утренний лес.
Щеголяют талантами
Птичий хор и оркестр.

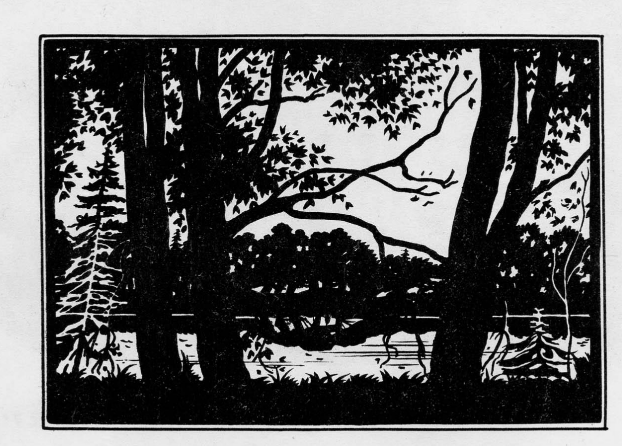
Я в зеленом беретике
Под березкой стою,
Бросив вместо билетика
Ей улыбку свою.

А солисты волнуются,
В гуще веток снуют:
Чья-то песня полюбится?
Так ли песню поймут?

Тут не самое важное,
Чьим окажется приз.
Аплодирую каждому,
Вызываю на «бис».

И певцы не торопятся
Улетать от меня.
На минутку схоронятся
И опять зазвенят.

Сергей Потехин
Костромская область

20 коп.
Индекс 71121